

Институт славяноведения Российской академии наук

Кафедра славянских языков и культур
факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова

Кафедра истории южных и западных славян
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Институт славянской культуры
РГУ имени А.Н. Косыгина

28 мая 2019 г.

Славия: история, культура, язык

**Студенческая международная
научно-практическая конференция
в рамках Дней славянской письменности и культуры**

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Программный комитет:

Запольская Н.Н. – д.ф.н., зав. кафедрой славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова, в.н.с. Института славяноведения РАН

Матвеев Г.Ф. – д.и.н., проф., зав. кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Узенёва Е.С. – к.ф.н., заместитель директора Института славяноведения РАН, руководитель научно-образовательного центра славистических исследований

Организационный комитет:

Амелина А.В.
Белоусова В.В.
Вучкович Е.С.
Гливинская В.Н.
Запека О.А.
Иванова И.Е.
Лунькова Н.А.
Обижаева М.Г.
Переволочанская С.Н.
Платонова И.В.
Шапкина О.Н.

Секретари конференции:

Гаврилков М.А.
Михайленко А.Ю.

Содержание

СЕКЦИЯ «ЗАПАДНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ»	4
<i>I. Babosha.</i> Polska Emigracja w latach 1856-1862 w ramach corocznych raportów Trzeciego Oddziału.....	4
<i>I. Jerofiejew.</i> Dyskusja o Cesarskim Uniwersytecie Warszawskim na początku XX wieku.....	6
<i>T. Semakina.</i> 1932 r.: “przełom” we współpracy polskiej i radzieckiej inteligencji twórczej i naukowej.....	8
<i>A. Зберовская.</i> Polskie media o członkostwie Polski w Unii Europejskiej.....	10
<i>A. Колодяжных.</i> Героико-психологическая повесть А. Мицкевича «Конрад Валленрод» в переводе С.П. Шевырёва.....	12
<i>A. Лагутова.</i> К вопросу об особенностях Петербургского текста русской литературы: (Пушкин, Гоголь, Достоевский).....	20
<i>A. Pszenicznyj.</i> Nowoczesny tradycjonalizm polskiego emigranta Michała Czajkowskiego (Sadyk-raszy).....	26
<i>A. Шатнова.</i> Проблема моравского сепаратизма в чешской либеральной публицистике 40-х годов XIX века.....	28
<i>A. Швец.</i> Исторический путь Чешской Силезии.....	31
<i>H. Белова.</i> Obraz ideálního panovníka v «Christoslavě» slezského jezuitu Matěje Vieria.....	33
<i>Д. Кузьменков.</i> Общественно-политическая деятельность Т.Г. Масарика в чехословацкой историографии XX века.....	35
<i>С. Сорокин.</i> Возрождение чехословацкой государственности накануне и в период Первой мировой войны (по материалам работы Т. Г. Масарика «Мировая революция»).....	37
<i>М. Кантур.</i> Становление политической программы «русских чехов» в годы Первой мировой войны.....	40
<i>М. Горохова.</i> Проблема адаптации русских эмигрантов в Чехословакии Первой волны: языковой аспект.....	43
<i>T. Рутковская.</i> Charta 77: mezinárodní kontakty českých disidentů (1977-1989).....	47
<i>М. Стенхлакова.</i> Отражение языковой картины мира в польских, русских и словацких пословицах.....	49
<i>A. Vublíková.</i> Konceptualizace barev v lidových písních vybraných regionů jižní Moravy.....	57
<i>H. Войшко.</i> Появление и особенности чешских сказок на примере сказки «Златовласка».....	62
<i>М. Дробот.</i> Языковые особенности поэтизма, как уникального направления чешской литературы 20-го века (на примере творчества В.Незвала).....	64

<i>Д. Михайлова.</i> Графический знак как единица текстового смысла: специфика эпистолярная М. И. Цветаевой чешского периода (из переписки с Б. Л. Пастернаком 1922-1925 гг.).....	66
СЕКЦИЯ «ЮЖНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ».....	76
<i>М. Минц.</i> Мистические образы в искусстве русского модерна.....	76
<i>Е. Филягина.</i> Метафора в современной песенной культуре Сербии (на примере творчества Светланы Ражнатович и Здравко Чолича).....	78
<i>А. Дегтярева.</i> Прецедентные отсылки в переводе «Рассказа о слоне визиря» Иво Андрича.....	80
<i>Т. Трей.</i> Дипломатическая деятельность югославского посланника М. Гавриловича в Москве (1940-1941 гг.).....	84
Дипломатска делатност југословенског посланика М. Гавриловића у Москви (1940-1941).....	85
<i>Д. Ерёмин.</i> Федерация БиГ и хорватский национальный вопрос в 1993-1995 гг.....	87
<i>А. Федосеев.</i> Голосование стран в структурах ООН как отражение геополитической ориентации на примере стран бывшей Югославии.....	89
Гласања земаља у структурама УН као рефлексија геополитичке оријентације на примеру земаља бивше Југославије.....	91
<i>А. Журавлева.</i> Югославия в заметках советского журналиста.....	93
<i>Н. Евстафьев.</i> Българите и латините в първите години след Четвъртия кръстоносен поход (1204–1207).....	95
<i>М. Гаврилков.</i> «Лествицата на спасение» като императив на цитатното пространство в «Стязание о известном иноческом жителстве» на Максим Грък.....	97
<i>Я. Оленева.</i> Символические изображения Земли, Пустыни и реки Иордан в русской иконописи.....	105
<i>В. Болдин.</i> Участие болгарской интеллигенции в панславистском движении в начале XX в. (на примере журнала «Славянский век» 1900-1904 гг.).....	108
Участие на българската интеллигенция в панславистското движение в началото на XX век (въз основа на списание «Славянски век» 1900-1904 г.).....	109
<i>М. Васильева.</i> Межъязыковая асимметрия полисемантической лексики (на примере болгарского глагола “вдигам” и его русского словарного соответствия “поднимать”).....	112
<i>А. Фетисова.</i> Проявления интерференции и буквализма при переводе художественного текста с русского языка на болгарский (морфологический аспект).....	114
<i>А. Зубкова.</i> Особенности синтаксиса в романе Э.Дворяновой «Концерт для слова»: «женское письмо».....	116
<i>А. Бочарова.</i> Народная культура гуцулов на примере бытовых сюжетов в керамике.....	118
<i>В. Резанова.</i> Преобразования тела в контексте массовой культуры России: современный боди-арт и его перспективы.....	121

СЕКЦИЯ «ЗАПАДНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ»

Ivan Babosha

*(Uniwersytet Moskiewski im. M.W. Łomonosowa, Wydział Historii
Moskwa, Rosja)*

Polska Emigracja w latach 1856-1862 w ramach corocznych raportów Trzeciego Oddziału

Celem tej pracy jest rekonstrukcja poglądów pracowników Trzeciego Oddziału na działalność Wielkiej Polskiej Emigracji w latach 1856-1862 – w okresie pierwszych lat panowania Aleksandra II, który zamyka drugie powstanie polskie w latach 1863-1864.

Źródłem tego rodzaju informacji były składane corocznie moralno-polityczne raporty Trzeciego Oddziału, w których pracownicy głównego organu nadzorczego Imperium Rosyjskiego, analizując „nastrój umysłów”, oceniali stopień zagrożenia dla bezpieczeństwa państwa ze strony różnych ruchów zarówno wewnątrz, jak i zewnątrz kraju. Polska emigracja, która powstała po powstaniu 1830-1831, była szczególnym zjawiskiem społeczno-politycznym w życiu Europy tego okresu i została jednym z głównych przedmiotów trosk Trzeciego Oddziału.

Żeby osiągnąć ten cel, musieliśmy rozwiązać następujące problemy: a) wyjaśnić, jak pracownicy III Oddziału oceniali rozkład sił w polskiej emigracji; b) ustalić, jak oni rozpatrywali kontakty międzynarodowe polskiej emigracji; c) określić, jak w raportach III Oddziału kwalifikowano stopień rozwoju powiązań między emigracją i ziemiami polskimi należącymi do Rosji, Prus i Austrii.

Analiza raportów wykazała, że w rozpatrywanym okresie Trzeci Oddział przeprowadzał wyraźną granicę między demokratycznymi ruchami emigracyjnymi, które były częścią paneuropejskiego ruchu rewolucyjnego, i konserwatystami, którzy zgromadzili się wokół „Hotelu Lambert” Adama Chartoryskiego. Pierwsi mieli na celu zorganizowanie powstania narodowo-wyzwoleńczego przeciwko samowładztwu przy wsparciu podobnych ruchów rewolucyjno-demokratycznych w całej Europie. Przedstawiciele konserwatywnego obozu emigracyjnego wybrali pasywne metody walki, mając

nadzieję, że niepodległość Polski może być zapewniona przy wsparciu wielkich mocarstw, a ich program polityczny miał charakter ochronny.

Z punktu widzenia Trzeciego Oddziału zagrożenie ze strony polskiej emigracji polegało przede wszystkim na tym, że ona prowadziła propagandę wśród polskich poddanych cesarza rosyjskiego, wspierając w ten sposób nastroje opozycyjne. Według raportów siły emigrantów nie były wystarczające, żeby otwarcie przeciwstawić się samowładztwu, ponieważ emigracja była bardzo podzielona. Poza tym pracownicy III Oddziału w 1862 r. ustalili, że Warszawski Komitet Narodowy przechwycił inicjatywę zorganizowania powstania w Królestwie Polskim - organizacji utworzonej nie przez emigrantów, ale przez Polaków mieszkających w kraju. W końcu ostatnią grupę poparli rosyjscy rewolucjoniści, w szczególności M. Bakunin, rozczarowany do największego przywódcy polskich demokratów za granicą - L. Mierosławskiego.

Trzeci Oddział dowiedział się również, że wielkie mocarstwa były gotowe zapewnić tylko ograniczoną pomoc dla polskiej emigracji. Anglia ograniczyła się do wypłaty niewielkiego zasiłku londyńskim demokratom, uważając ich za jedną z dźwigni nacisku na Rosję. Ale Francja Napoleona III, bardziej zainteresowana polskimi emigrantami, wciąż trzymała ich na „krótkiej smyczy”, bojąc się ich radykalizmu. W omawianym okresie Trzeci Oddział uważał koła demokratyczne polskiej emigracji za bardziej niebezpieczne niż arystokratyczno-konserwatywne z powodu pragnienia pierwszych poderwać ideologiczne podstawy ówczesnych państw europejskich.

Na zakończenie należy zwrócić uwagę na wyjątkową cechę raportów III Oddziału epoki Aleksandra II: opis działalności polskiej emigracji jest pozbawiony elementów moralnego oskarżenia i ma neutralny charakter, w przeciwieństwie do raportów z czasów Mikołaja I, który powołał tę instytucję do życia.

SPIS LITERATURY I ŹRÓDEŁ

1. Россия под надзором: отчеты III отделения 1827-1869. Сборник документов. М., 2006.
2. Фалькович С. М. Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб., 2017.

3. Кухажевский Ян. «От белого до красного царизма». Т. 3. Годы перелома. Романов, Пугачев или Пестель: Ч. 2. «Третье отделение». / Кухажевский Я. М., 2018. 408 с.

4. Смирнов А.Ф. Революционные связи народов России и Польши 30–60 годов XIX в. М., 1962.

5. Дьяков В.А. Освободительная борьба польского народа против социального и национального гнета в 1794—1864 гг. // Краткая история Польши: С древнейших времен до наших дней / РАН Институт славяноведения и балканистики. Отв. редактор В.А. Дьяков. М., 1993. С. 123-140.

6. В совместной борьбе против феодализма и самодержавного гнета // Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815–1917 / Отв. ред. И.С. Миллер. М., 1976. С. 130-186.

Ilia Jerofiejew

*(Uniwersytet Moskiewski im. M.W. Łomonosowa, Wydział Historii
Moskwa, Rosja)*

Dyskusja o Cesarskim Uniwersytecie Warszawskim na początku XX wieku

Cesarski Uniwersytet Warszawski został otwarty w 1869 roku, aby zastąpić zlikwidowaną Szkołę Główną w Warszawie. Taka przemiana była konsekwencją Powstania styczniowego i jednym z przejawów zaostżenia polityki carskiej wobec niespokojnych ziem polskich [Bażenowa 2014: 38-41]. Obowiązkowe nauczanie w języku rosyjskim stało się głównym kamieniem obrazy, który wywołał oburzenie Polaków, ale ludzie pamiętali nieudane powstanie, a system cenzury działał sprawnie, więc problem ten nie był szczegółowo omawiany publicznie.

Aktywna dyskusja na temat roli Uniwersytetu Cesarskiego na ziemiach polskich rozpoczęła się w okresie pierwszej rewolucji rosyjskiej i w latach następnych. Początek dyskusji dał artykuł profesora Shymona Askenaziego, który stał się oskarżycielskim manifestem w środowisku uniwersyteckim. Inny

absolwent uniwersytetu, Nikołał Dubrowski, kontynuuje tę krytykę. Rozpatrzymy niektóre tezy tej krytyki.

Argumentem przemawiającym za stronnictwością pracowników uniwersyteckich i dowodem tego, że służą tylko „oficjalnej Rosji” [Dubrowski 1908: 5], zdaniem Dubrowskiego, są ich bliskie kontakty z kuratorem warszawskiego okręgu szkolnego i głównym rusyfikatorem w Polsce A.L. Apuchtinem.

Dobór kadr na uniwersytecie był przeprowadzany wyłącznie na zasadzie lojalności wobec caratu i rusyfikacji, której, według Dubrowskiego, towarzyszyło ignorowanie ich zawodowej przydatności. Dubrowski w swojej broszurze zastanawia się, na ile realistyczna i rozważna była idea władz, że garstka lojalnych rosyjskich profesorów mogłaby w jakiś sposób wpłynąć na uczniów oraz konkurować z tradycjami polskiej literatury, dziennikarstwa, nauki i w ogóle kultury [Dubrowski 1908: 7-8].

Ogólnie rzecz biorąc, Dubrowski dochodzi do racjonalnego wniosku, że Uniwersytet Warszawski nie jest w stanie wykonywać żadnej z przypisanych mu funkcji i jest po prostu nieefektywnym wydatkowaniem publicznych pieniędzy.

W 1908 r. pewien „rosyjski profesor” próbował się spierać z krytykami Uniwersytetu Warszawskiego. Przede wszystkim on kwestionuje dane dotyczące liczby studentów Uniwersytetu. Zarówno Askenazi, jak i Dubrowski skarżą się, że w Szkole Głównej jest więcej studentów niż na Uniwersytecie Warszawskim, pomimo faktu, że ludność polska stale się powiększa. „Rosyjski profesor” cytuje także inne postacie, według których na Uniwersytecie Warszawskim, przynajmniej na początku XX wieku, było więcej studentów, a dane, do których odwołuje się jego przeciwnik, nie odpowiadają rzeczywistości [Uniwersytet Warszawski 1908: 10].

Autor nie zgadza się z niską oceną poziomu edukacyjnego i naukowego tej uczelni. Mówi, że chociaż większość budżetu naprawdę idzie na pensje nauczycieli, znaczące kwoty idą na rozwój samego uniwersytetu. We wnioskach „rosyjski profesor” pisze, że twierdzenia zwolenników polonizacji uniwersytetu są fikcyjne i podyktowane wyłącznie ich aspiracjami politycznymi, które nie pasują do idei kulturowego zbliżenia między dwoma narodami [Uniwersytet Warszawski 1908: 19-20].

Biorąc zatem pod uwagę stanowiska różnych partii, możemy stwierdzić, że Warszawski Uniwersytet Cesarski był oczywiście elementem polityki rusyfikacyjnej carskiego reżimu, ale sami rusyfikatorzy nie rozumieli, jak ta uczelnia powinna działać, aby mogła pełnić swoją funkcję. Twierdzenia ówczesnych naukowców i nauczycieli akademickich mogą mieć charakter spekulacyjny, ich rzeczywisty poziom powinien być badany oddzielnie.

LITERATURA

1. Bażenowa 2014 – *Bażenowa A.* Historycy Cesarskiego Uniwersytetu Warszawskiego, 1869-1915: edukacja, nauka, polityka. Lublin 2014.

2. Uniwersytet Warszawski 1908 – Uniwersytet Warszawski i dawna szkoła główna w Warszawie. SPb., 1908.

3. Dubrowski 1908 – *Dubrovsky Nick.* Oficjalna nauka w Królestwie Polskim (Uniwersytet Warszawski, według osobistych wspomnień i wrażeń). SPb., 1908.

Tatiana Semakina

*(Uniwersytet Moskiewski im. M.W. Łomonosowa, Wydział Historii
Moskwa, Rosja)*

1932 r.: “przełom” we współpracy polskiej i radzieckiej inteligencji twórczej i naukowej

25 lipca 1932 r. między Polską i Związkiem Radzieckim podpisano Umowę o nieagresji, która otworzyła nową stronę w dziejach stosunków pomiędzy naszymi państwami. Cel naszego badania – rozpatrzyć, co się zmieniło w związku z podpisaniem tej Umowy w dziedzinie współpracy kulturalnej. Badanie opiera się wyłącznie na źródłach archiwalnych, a mianowicie na oficjalnej korespondencji pracowników Ogólnozwiązkowej Organizacji łączności kulturalnej z zagranicą (WOKS). Taka baza źródeł daje więcej możliwości dla rozpatrywania polsko-radzieckich stosunków kulturalnych w ich związku z polityką.

Po 25 lipca 1932 r. wszyscy pracownicy WOKS zauważyli odrodzenie prawie we wszystkich dziedzinach współpracy kulturalnej, w dokumentach nawet

pojawił się termin „przełom”, czyli w tym przypadku zmiana na lepsze. Znalazło to wyraz zarówno w zmianie tonu wypowiedzi o ZSRR i większej ilości obiektywnej informacji o nim, jak i w bardziej przychylnym stosunku władz polskich do przenikania radzieckiej literatury, sztuki, filmów, wystaw itp. na polski rynek. Ciekawe jest, że w dokumentach WOKS mówi się tylko o recepcji radzieckiej kultury przez polskiego widza, ale nie ma żadnej informacji o stosunku społeczeństwa radzieckiego do kultury polskiej.

Oczywiście, nie wolno absolutnie ufać w tej sprawie urzędnikom, ponieważ byli zainteresowani, żeby przedstawić sytuację tak, jakby całe polskie społeczeństwo nagle w pewnym momencie zaczęło interesować się kulturą radziecką. Pewne zmiany na lepsze jednak rzeczywiście były.

A mianowicie: na polskim rynku wydawniczym nie tylko wzrosła ilość przekładów radzieckich autorów i utworów obcych autorów o ZSRR, lecz także i oryginalnych dzieł autorów polskich, opowiadających o ZSRR albo napisanych pod bezpośrednim wpływem literatury radzieckiej. Rozszerzyły się też więzi naukowe: w 1933 r. w Warszawie odbył się Międzynarodowy Kongres historyków, w którym brali czynny udział radzieccy naukowcy. Oprócz tego, w ciągu tylko 1933 r. w ambasadzie ZSRR w Warszawie wyświetlono 10 radzieckich filmów, czyli więcej niż przez trzy poprzednie lata. Podobna sytuacja miała miejsce i z przedstawieniami teatralnymi, od 1932 r. sztuki radzieckie coraz częściej wystawia się w Polsce. Widoczna jest aktywna współpraca w dziedzinie sztuk wizualnych, zorganizowano szereg wystaw malarstwa – to, czego nie było wcześniej. Jednocześnie dość trudno zauważyć jakąś zmianę w sferze muzycznej, ponieważ kontakty między naszymi krajami w tej dziedzinie zawsze były bardzo bogate.

W wyniku badania doszliśmy do następujących wniosków. Po 1932 r. rzeczywiście nastąpił pewny „przełom”, czyli zmiana na lepsze, dlatego że dla obu stron było ważne pokazać sobie i światu rzeczywiste zmiany w polsko-radzieckich stosunkach politycznych. W dużej mierze to zasługa radzieckich propagandystów, ale należy pamiętać i o rzeczywiście wysokim poziomie naszej sztuki w niektórych dziedzinach, np. w muzyce. Poprawa stosunków polsko-radzieckich nie była jednak szybka i wszechstronna, wielu problemów zostało nierozwiązanych.

BIBLIOGRAFIA

1. Falkowicz S., Czernych M. Polsko-radziecka współpraca kulturalna i naukowa w okresie międzywojennym // Dzieje najnowsze. 1970. №2.
2. Falkowicz S.M. Udział Polaków w życiu kulturalnym Moskwy końca lat 20. i pierwszej połowy lat 30. XX wieku // Wrocławskie Studia Wschodnie. 2004. T. 8.
3. Иванов Ю.В. О советских культурных связях с Польшей в 20-30-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2013. №3.
4. Фалькович С.М. Из истории советско-польских культурных связей // Советско-польские отношения. 1918-1945. М., 1974.
5. Фалькович С.М. Советско-польские культурные связи в 20-30-е гг. XX в. // Фалькович С.М. Исследования по истории Польши и российско-польских общественных и культурных связей. М., 2012.

Алиса Зберовская

*(Дипломатическая академия МИД РФ
Москва, Россия)*

Polskie media o członkostwie Polski w Unii Europejskiej

W maju 2019 r. w polskich mediach ukazało się wiele reportaży i programów, poświęconych rocznicy wstąpienia kraju do Unii Europejskiej i podsumujących piętnaście lat członkostwa kraju w tej organizacji. Celem tego wykładu jest przeanalizowanie reportaży najbardziej oglądanych kanałów telewizyjnych dla wyjaśnienia i porównania ich pozycji wobec członkostwa Polski w UE.

Podczas badania rozpatrzono treść reportaży i programów, pokazanych w dniach 1-7 maja, dotyczących wyników wstąpienia Polski do Unii Europejskiej z trzech najbardziej chętnie oglądanych w 2018 r. informacyjnych kanałów telewizyjnych: Polsat News i TVP Info, TVN24i . One, z kolei, należą do trzech największych spółek mediowych w branży telewizyjnej: Polsata, gospodarzem którego jest osoba prywatna, jedyne nadawcy publicznego w Polsce TVP i polki komercyjnej TVN. Podczas badania używano metody analizy zawartości treści oraz jakościowej analizy tekstu.

Kriteriami analizowania informacji wybrano 1) ocenę bilansa członkostwa, 2) ilość czasu antenowego, poświęconego rozpatrywanemu problemowi, 3) listę wymienianych w mediach wad i zalet członkostwa, 4) orientację polityczną cytowanych i zapraszanych na anteny polityków i treść ich przemówień.

Badanie informacji z trzech kanałów wskazuje na jednogłośnie poparcie dla członkostwa i ocenę bilansu Polski jak dodatniego. Im więcej, odniesienie do rzekomej chęci wyjścia ze wspólnoty było używane w nich jako zarzut wobec przeciwników politycznych. Temat rocznicy wstąpienia do Unii Europejskiej zajmował znaczną mniej-więcej jednaową część czasu antenowego. Z kolei, listy wymienionych dodatnich i ujemnych efekty Unii Europejskiej dla Polski okazały się różne. Jednak pytanie, na które odpowiadają media, brzmi nie „Czy Polska powinna być członkiem Unii”, ale „Jaki kształt musi mieć Unia Europejska i co musi robić Polska dle wzmocnienia swojej pozycji w tej organizacji?”

Informacje z trzech kanałów dają zupełnie różne recepty. Ponadto, znacznie różni wybór cytowanych w tej sprawie polityków i ekspertów. TVP Info mówi o zyskach Polski, i też wspomina kwestie, które od lat wywołują spory z Brukselą. TVN24 pokazuje korzyści i ignoruje żadne wspomnienia o stratach Polski. Polsat News, ze swojej strony, informuje widzów i nie tylko o zyskach, lecz również o stratach, ale w łagodniejszy sposób, niż TVP Info. On także zapewnia najbardziej zrównoważone cytowanie i udział w programach ekspertów i polityków z różnych partii.

Mimo tego, że przytłaczająca większość Polaków i kluczowe kanały telewizyjne nie mają wątpliwości co do korzyści członkostwa w Unii Europejskiej, kwestie jego warunków i kształtu samej Unii powodują poważną dyskusję w mediach. Treść reportaży, poświęconych jubileuszowi wstąpienia Polski do wspólnoty z jednej strony odzwierciedla fakt istnienia podziału w polskim społeczeństwie i z innej strony sprzyja pogłębianiu tego podziału.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фомичев И. Исследования СМИ: методология, подходы, методы: учебно-метод. изд-е. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011.
2. Balcer A., i in. (2016) Polacy wobec Unii Europejskiej: koniec konsensusu. Warszawa, Fundacja im. Stefana Batorego.

Анжелика Колодяжных

(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Москва, Россия)

Героико-психологическая повесть А. Мицкевича «Конрад Валленрод» в переводе С.П. Шевырёва

Исследование посвящено переводу С.П. Шевырёва сочинения Адама Мицкевича «Конрад Валленрод». Работа над переводом была осуществлена вскоре после выхода в свет оригинала и была опубликована в «Московском вестнике», в восьмом издании, в 1828 году. С.П. Шевырёв отмечает, что проделанная им работа – «прозаический перевод, сколь можно близкий к подлиннику» [Шевырёв 1828]. Однако известно, что система художественных образов в различных языках всегда представляется со своими особенностями и не может быть передана точно. В анализируемом материале появляется возможность изучить важные закономерности и на их основании выделить несколько аспектов перевода указанного текста, что и является целью исследования.

Художественный образ занимает одно из главных мест в литературе. Многозначность его заключается в том, что ему свойственна недосказанность, и это подталкивает читателя к размышлению. Художественный образ определяется многими деталями структуры сюжета, из которых стоит выделить пространственно-временную организацию и композиционную валентность слов [Николаев 2011]. Специфика художественного образа проявляется в следующих компонентах:

- *Двузначная составляющая образа.* Художественный образ рассматривается как носитель понятийного значения и одновременно как «строитель» художественного текста.
- *Вариативность языкового оформления образа.* Одни и те же значения передаются разными формами. Это проявляется и в пределах одного языка, и в рамках нескольких языков.

Также художественный образ может быть создан целенаправленным использованием различных грамматических значений слова [Якобсон 1983]. Это возможно пронаблюдать и в оригинале, и в переводе. Несмотря на то, что

языки (польский и русский) родственны, они разные по пути развития, территориальному взаимовлиянию, заимствованиям, внутренним процессам, в том числе и социокультурным. Не существует копии какого-либо языка; так и художественный образ в переводческой практике претерпевает изменения в соответствии с новыми нормами.

А. Мицкевич даёт следующее название своему произведению при публикации: «Konrad Wallenrod. Powieść historyczna. Z dziejów litewskich i pruskich» [Mickiewicz 1922], хотя от установок жанра исторической повести во многом отходит, приближаясь к сложному изображению внутреннего порыва героя в трудной, критической ситуации. С идеей приблизиться к природе и к быту простого человека, автор решает применить сочетание романтического и народно-эпического начал в своём произведении. Перевод С.П. Шевырёва после публикации же встречает критику: его перевод прозаический, что уже является расхождением со стихотворной структурой оригинала. Но Шевырёв ритмизирует текст и стилистически «приподнимает» повествование, используя обратный порядок слов («дворец железный», «суета светская»). Можно заметить случаи архаизации или славянизации («преклонил выю под цепи» – «выя» вместо «шея»). Ещё советский лингвист В.Г. Чернобаев замечает, что некоторые специфические проблемы творчества А. Мицкевича неясны для С.П. Шевырёва, это отражается и в переводе: парадоксально присутствуют частичная отвлечённость, бледность элементов [Чернобаев, 1938]. Это гипотетически можно объяснить тем, что первостепенной задачей Шевырёв мог видеть необходимость воспроизвести содержание лексически близкое к оригиналу, а не концептуальное (из сложившихся в образе идей). В итоге обнаруживаются главные причины изменения художественного образа: своеобразие восприятия оригинала переводчиком; различия систем языков; различия социокультурной среды.

В тексте перевода художественные образы можно поделить на три группы: типические образы направления; образы народного эпоса; вспомогательные образы.

Польский романтизм открывается интересом к народному творчеству. По сравнению с предшествующими направлениями расширяются границы представляемых событий, в центре оказывается человек и его личность. Художественный образ здесь – реализация особенностей культур и

индивидуальное проявление мысли. Но культуры не могут быть одинаковыми во всём. С.П. Шевырѐв проявлял научный интерес к немецкому романтизму, тогда как польский не являлся предметом его досконального изучения. Иносказательные выражения в переводе, передающие особенности творчества А. Мицкевича, он мог перелагать по более знакомому подобию, т.е. вносить свой материал, отвлекаясь от первоначально установленного.

Оригинал:

*Tu i ówdzie **migocą** straży
naczelnych proporce
Jak łyskania przed burzą...*

Перевод:

*Здесь и там **блистают** знамена передовой стражи,
как молнии перед бурю...*

В отрывке наблюдаются одновременно следующие стилистические средства: и фигура, и троп. Для стилистического подъёма Шевырѐв использует инверсию: сказуемое меняется местами с подлежащим. Это концентрирует внимание на детали, метафора же – возносит знамѐна до небесных молний, предшествующих ужасной буре, – такое следует сравнение в конце. Через явления природы выражается состояние души человека и народа. Буря, мощная стихия, становится аллегорическим воплощением борьбы за свободу. Перевод отрывка перенимает внутреннее стремление оригинала изобразить мятеж и трагизм сражения. Пейзаж в романтизме становится наивысшей ценностью, «связью» внутреннего и внешнего мира. Слово «блистают» сопоставимо с лексемой «молнии», что создаёт целостную картину.

Оригинал:

*Sto lat mijalo, jak zakon krzyżowy
We krwi pogaństwa północnego brodził...*

Перевод:

*Уже сто лет истекало, как Орден Крестоносцев
плавал в крови полночного язычества*

Пример содержит фразеологический оборот в сочетании с метонимией. Здесь «Орден» упоминается как неделимое целое, одна угроза, наводящая ужас. Это организует пространственное расположение. По фразеологическому словарю русского литературного языка [Фёдоров 2008] оригинал оборота – «купаться в крови», что означает «совершать массовые казни», однако здесь Шевырёв употребляет слово «плавать» и синонимом продолжает ритм своего прозаического переложения, усиливает стилистические и стилевые качества текста.

Оригинал:

Schodzi na radę trybunał tajemny...

Перевод:

Сходится на совет тайное судилище...

Существовало тайное братство, где творили ужасный суд над людьми. Считалось, что услышать о нём – значит получить предостережение. Особенность перевода Шевырёва здесь заключается в обозначении этого суда: он не просто называет его «судом», а добавляет суффикс субъективной оценки -ищ-. В итоге суд как бы им порицается через стилистическую коннотацию и пейоративную лексику. Это снова говорит об отвлечённости и введении новой лексики.

Важен в поэтике польского романтизма образ тумана. За ним скрывается недостижимое, таинственное. Человек стремится к этой загадочной глади, находящейся совсем близко, но ускользающей от него. Подобный мотив основывается на принципе размытости, многозначности важного чувства.

Оригинал:

W sennyach niekiedy marzeniach

Widzę postać szanowną matki i ojca, i braci,

Ale coraz to dalej jakaś mgła tajemnicza,

Coraz grubsza i coraz ciemniej załzania ich rysy.

Перевод:

*Иногда в мечтаниях сна я вижу почтенный лик
матери, и отца, и братьев; но чем живу далее,
тем более и более какой-то таинственный
мрак густеет над очами и заслоняет черты их.*

В отрывке создается едва уловимое ощущение, испытываемое главным героем. И хотя в переводе оно описано с помощью олицетворения мрака, то, что произошло с героем, имеет все черты романтического тумана, так как за «мраком» – мечты и фигуры членов семьи главного героя.

Оригинал:

*Już znikło... Pewnie złudzenie źrenicy,
Pewnie jutrzeńki błysnął wzrok rumianu,
Po ziemi ranne przemknęły tumanu.*

Перевод:

*Но все исчезло... нет, то был обман очей,
то блеснул румяный взгляд денницы, и
промчались по земле туманы утренние.*

Уже в этом примере употребляется слово «туманы», но здесь оно вдобавок выполняет роль пейзажа. Туман как бы существует сразу в двух мирах, предваряя идею бренности и мимолётности земного существования человека и таинственного окружения вокруг него. Таким образом, чтобы достичь верного эффекта, С.П. Шевырёв употребляет известную ему также из исследования русского, немецкого романтизмов лексику, переходя к отвлечённому изображению. Типические для польского романтизма образы сливаются с иными приёмами, местами теряя первоначальный смысл.

В «Конраде Валленроде» автор соединяет типическое в романтизме с народными мотивами. Баллада, песни, гимн становятся важнейшей составляющей сюжета. Перед читателем оказывается лесная Литва, где ещё осталось язычество. Это образ свободы, но свобода прерывается натиском противника. И совсем по-разному выглядят воюющие стороны: металл и броня противостоят шкурам животных и стрелам.

Оригинал:

*Z tej strony tłumy litewskiej młodzieży,
W kołpakach rysich, w niedźwiedziej odzieży,
Z łukiem na plecach, z dłonią pełną grotów,
Snują się, śledząc niemieckich obrotów.*

Перевод:

*На той стороне, толпы Литовских юношей,
в рысых колпаках, в медвежьих одеждах, с
луком за плечами, с горстьюми стрел, бродят
и следят движения Немцев.*

С.П. Шевырёв однородными членами предложения передаёт образ древности, не желающей отпустить свою хоть и примитивную, но свободную народную жизнь. «Природное начало» обнаруживается и в портрете Конрада, сочетающем черты романтических рыцарских подвигов, в переводе передающиеся высокой лексикой, через повторы, инверсию, усиление стиливых особенностей, и той же простоты домашнего быта, жизни в родных лесах.

On cudzoziemiec, w Prusach nieznanemu

Оригинал:

Sława napęłnił zagraniczne domy:

*Czy Maurów ścigał na kastylskich górach,
Czy Ottomana przez morskie odmęty,
W bitwach na czele, pierwszy był na murach,
Pierwszy zahaczał pohańców okręty;
I na turniejach, skoro wstąpił w szranki,
Jeżeli raczył przyłbicę odstłonić,
Nikt się nie ważył na ostre z nim gonić,
Pierwsze mu zgodnie ustępując wianki.*

<...>

Zniknęły lasy i ojczyste góry!

*Myśl, zniżonymi ulatując pióry,
Spada, w domowe tuli się zacisze,
Lutnia umilkła w odrętwiałym ręku;
Śród żałosnego spótrodaków jęku
Często przeszłości głosu nie dostyszę!*

Перевод:

*Он чужестранец, неизвестный в Пруссии; он славою наполнил
обители иноземные. Преследовал ли Мавров на горах Кастильских или
Оттоманов на пучинах моря, — везде он первый был в битвах, первый на
стенах, первый сцеплялся с кораблями язычников. Бывало на турнирах,
когда вступит в ограду, вздумает поднять своё забрало, — то никто уже
не дерзнет с ним сражаться на смерть, и все единодушно уступают ему
венцы первые.*

<...>

*Исчезли леса и горы отчизны. Мысль, возлетающая на усталых
крыльях, падает и кроется в приюте домовой сени; лютня замолкла в
руке окостенелой; сквозь жалостный стон моих соотчицей часто не
доходит до меня голос минувшего.*

Образы народного эпоса определяют специфику течения событий в произведении. Перевод позволяет воссоздать существующие вне времени мысли и мечты главного героя, существующие неразрывно с пространством в ситуационно-трудном его состоянии.

По итогам проведённого исследования можно сделать вывод о том, что прозаический перевод не оправдал желаемой «приближенности» к оригиналу, поскольку ритмика стихотворной формы производит другой эффект и задаёт иную тональность. В переводе С.П. Шевырёва за счёт архаизмов-славянизмов и различных историзмов, входящих во вспомогательные образы, форма становится торжественной, а выражение эмоций и чувств через мелиоративную лексику позволяет судить о том, что для Шевырёва важен и романтический контекст, куда он привносит собственные элементы, из-за

чего одни части становятся перенасыщенными, а другие достаточно бледными. Типические образы польского романтизма в той или иной мере сливаются с прочими нововведениями переводчика. Возникают стилистические сдвиги. В переводе С.П. Шевырёва проявила себя особая система художественных образов, трансформированных при переводе с польского языка на русский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Adam Mickiewicz. Konrad Wallenrod. Powieść historyczna z dziejów litewskich i pruskich. Warszawa, Instytut Wydawniczy "Biblioteka Polska", 1922.
  2. Николаев А. И. Основы литературоведения: учебное пособие для студентов филологических специальностей. Иваново: ЛИСТОС, 2011.
  3. Хорев В. А. (отв. ред.). Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре. М.: «Наука», 2007.
  4. Хорев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов. М.: Индрик, 2005.
  5. Чернобаев В. Г. К вопросу о литературных связях Пушкина и Мицкевича: Пушкин и поэма Мицкевича «Конрад Валленрод» (Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена, 1938. Т. 14. С. 87-109)
  6. Кацнельсон Д. Б. К вопросу об отношении Адама Мицкевича к народному творчеству (1820 - 1829 гг.)
  7. Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии (Семиотика. - М.: Радуга, 1983.- С. 462-482)
  8. Przedmowa. «Poezye Adama Mickiewicza». Т. 1. 1821. Сочинения А. Мицкевича. СПб.: Типография М. О. Вольфа, 1883. Т. II. С. 209.
  9. Шевырёв С. П. Московский вестник. Восьмая часть. «Конрад Валленрод. Историческая повесть, взятая из летописей литовских и прусских. Сочинение Адама Мицкевича. Начало». Москва, пер. С. П. Шевырёва, цензурное разрешение от 9 апреля 1828 г.; С. 290 – 303; 369 – 390.
  10. Шевырёв С. П. Московский вестник. Восьмая часть. Примечания к Валленроду. Москва, цензурное разрешение от 9 апреля 1828 г.; С. 354 – 356; 464 – 466.
-

Анастасия Лагутова

*(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Москва, Россия)*

К вопросу об особенностях Петербургского текста русской литературы: (Пушкин, Гоголь, Достоевский)

Петербургский текст – феномен русской литературы. Ведь это некий «синтетический свертхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели» [Топоров 1995: 259]. Образ Петербурга фигурировал в творчестве многих поэтов и писателей.

Анализируя тексты о Петербурге в творчестве разных авторов, мы можем наблюдать интересную закономерность: многие черты в описании города схожи, вплоть до совпадений. При этом самих писателей, по ряду причин, невозможно ни обвинить в плагиате, ни в использовании пресловутого клише. Как писал В.Н. Топоров, единство описаний в Петербургском тексте не исчерпывается исключительно климатическими, топографическими, пейзажно-ландшафтными, этнографически-бытовыми и культурными характеристиками города и из-за этого создаётся впечатление, что сам Петербург обязывает творцов употреблять те или иные характеристики при его описании. Этот город живой, и он обладает мощнейшей силой, которая довлеет над человеком, ограничивая свободу его выбора.

Высокоорганизованные личности, находясь в Петербурге, могли ощущать тайное присутствие неких сил, иных сущностей, отличных от человека. Это осознание приходило к ним на духовном уровне. Что уж говорить о великих авторах, чей талант был определён свыше, и чьим призванием было приоткрывать те божественные истины посредством своего творчества. Пушкин, Гоголь, Достоевский и многие другие тоже чувствовали нечто сакральное, святое, и также чувствовали присутствие таинственных сущностей в Петербурге, что отразилось на их произведениях. Герои Петербургских текстов этих авторов зачастую действуют, руководствуясь велениями тех неведомых сил.

Мы можем говорить о том, что кросс-жанровость, кросс-темпоральность и кросс-персональность свойственна «петербургским» произведениям, ведь все они обладают семантической связанностью, что

позволяет снять жанровые, хронологические и авторские ограничения. Благодаря этому мы можем увидеть Петербургский текст единым, связанным феноменом.

Для глубокого анализа Петербургского текста важно философски переосмыслить произведения и «услышать» голос города. В.Н. Топоров утверждает, что Петербург имеет свой язык. Он говорит с нами своей историей, архитектурой, своими улицами, водами, островами и памятниками, людьми, идеями и самой историей.

Одной из особенностей Петербургского текста является его мифогенность. Главный же представитель Петербургской мифологии – миф о создании города. Обратимся к фундаменту Петербургского текста.

В поэме Пушкина «Медный всадник» актуализируется восходящая к древним мифам о «граде Петра» семантика непрочности городского пространства. Перед нами предстаёт город, поражающий своим величием и рукотворностью одновременно. Это одно из первых произведений, в котором петербургский текст становится не только предметом изображения, но и объектом напряженных размышлений.

С одной стороны, автор описывает всю красоту и могущество новой столицы:

*Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво*

А с другой стороны – всю его противоречивость и тяжесть. Проявляется это в строках:

*В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова*

Пушкину удалось передать в тексте поэмы всю полноту борьбы города со стихией. Автор показывает не просто наводнение, он показывает, что эта новая имперская столица чревата восстанием стихии – восстаниями народа,

страшными бунтами, бессмысленными и беспощадными. Это проявляется в образе беспокойной Невы. Стихия сочетается с камнем, с тем, что сотворено руками человека. И эта река выходит из берегов. Стихия берёт верх над человеком.

*Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова,
Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась.*

Евгений в «Медном всаднике» заявляет ту самую тему бунта. Важно отметить, как этот герой, представитель старинного дворянского рода, сходит с ума и грозит Медному всаднику: «*Ужо тебе*». Он оглушён «*шумом внутренней тревоги*», впуская беспощадную стихию в себя. И этот мощный поток хаоса стихии Евгений впускает в себя и становится безумным, как и стихия, и разрушающим, как стихия. Петербург, в отличие от Евгения, приходит в себя после наводнения. Герой же теряет свою истинную сущность, он не может противостоять стихии, которая ворвалась в его душу извне:

*И так он свой несчастный век
Влачил, ни зверь ни человек,
Ни то ни сё, ни житель света,
Ни призрак мертвый...*

Петербургский текст поднимает, таким образом, и тему петербургского безумия. Это безумие зарождается в самом городе, который построен на нетвердой поверхности, построен на болотах. «Петров град» – дословный перевод названия города, который предлагает Пушкин. И можно понять, что изначально Petersburg был назван в честь апостола Петра. Однако в «Медном всаднике» постоянно звучит «град Петров», то есть, творение рук Петровых – город, основанный на воде. Анализируя это название, мы можем заметить

интертекстуальную связь с Евангельским текстом о «Доме на песке» (кн. 7, ст. 24), в котором говорится, что дом, стоящий на твердом основании, будет стоять вечно, а дом, построенный на песке – однажды рухнет.

В XX веке к образу Медного всадника также обращались различные авторы. Один из них А.А. Блок. В своём стихотворении «Он спит, пока закат румян...» автор даёт прямую характеристику мистической фигуре Петра, во многом развивая темы «Медного всадника». Складывается впечатление, что Петр, закладывая город, не до конца убил змея – зло, а лишь наступил на него копытом своего коня, отчего каждую ночь тёмные силы этого змея вырываются наружу.

Он спит, пока закат румян.

И сонно розовеют латы.

И с тихим свистом сквозь туман

Глядится Змей, копытом сжатый.

Блок создаёт в своём произведении панораму образов-оксюморонов, которые и характеризуют всю двойственность Петербурга. «*Веселый царь / Взмахнул зловонное кадило*», «*И ризой городская гарь / Фонарь манящий облачила*» – святость сочетается с земной обыденностью и блудом. Прекрасное несёт в себе заряд разрушения, величественный Петербург связан со смертью. Гул разрушения, апокалиптическое настроение ощущается в городе уже во времена А.С. Пушкина. А.А. Блок развивает тему оксюморонности города, делая ее центральной.

Не менее интересным становится проявление Петербургского текста в произведениях Гоголя. Мы знаем, что в 1829 году двадцатилетний Николай Васильевич приезжает в Петербург, и столица встречает его неприветливо. Город «показался ему вовсе не таким, как он думал» [Мочульский 1995: 5]. Дороговизна жизни приводит его в уныние, он живет «как в пустыне». Этот город не становится для него домом. Автор чувствует некую мертвенность и холод, пустоту. Позже, в «Светлом Воскресении» он напишет фразу, характеризующую его состояние: «*Боже! пусто и страшно становится в твоём мире!*»

Вообще в произведениях Гоголя Петербург фантазмагоричен и, словно, неестественен, он действует как настоящий самостоятельный организм. В

повести «Шинель» город предстаёт перед читателями живым. В том самом фрагменте, где умирает главный герой, автор даёт нам это понять словами: *«Петербург остался без Акакия Акакиевича»*.

В Петербургском тексте Гоголя так же отчетливо заметен образ холода. Он символизирует некое пространство смерти, не только физической, но и духовной. Именно поэтому шинель становится для Башмачкина не просто целью, а способом укрыться от внешнего и внутреннего воздействия ледящей мертвенности. *«Светлый гость в виде шинели»* посещает жизнь Акакия Акакиевича. Этот элемент одежды словно противостоит всему тому ужасному, что настигает героя в Петербурге, начиная от насмешек коллег и заканчивая лютым холодом северного города с его *«страшной пустыней»*. Позже М.А. Булгаков, которому было близко творчество Николая Васильевича, будет писать: *«Гоголь, укрой меня своей шинелью»*, что ещё раз доказывает символичность этого образа.

Петербург также обладает двойственностью в произведениях Гоголя. Так, например, в «Невском проспекте» прекрасное и ужасное соединяется в образе женщины, за которой следует Пискарёв. Этот оксюморон ангельской прелести и красоты, в которое заложено жало смерти, поражает героя. *«Никогда жалость так сильно не овладевает нами, как при виде красоты, тронутой тлетворным дыханием разврата»*. Автор показывает бесконечно мелькающие усы, различные шляпки, рукава и сюртуки, зато за всем этим не заметно ни одного лица. Поэтому когда Пискарёв видит ту женщину, он увлекается её «светом», она кажется ему настоящей, но правда повергает героя в шок. Поэтому-то Гоголь и показывает то, что в Петербурге едины две крайности, которые давят на человека и доводят его до ужасных последствий (к примеру, самоубийство того же Пискарёва).

Можно сказать, что этот город для автора одновременно обладает какой-то притягательной красотой, но и безобразием, имеет в себе что-то величественное и в то же время ужасающее. Писатель совершенно уверен в том, что в этом городе с легкостью может происходить что-либо невероятное и удивительное, в частности, например, нос майора Ковалева, который живет своей жизнью, отдельно от своего владельца. Ведь мы знаем, что человек в Петербургском тексте Гоголя часто описывается через вещь, а вещь может быть показана с позиции своей собственной истории.

«Петербург – центр зла и преступления, где страдание превысило меру и необратимо отложилось в народном сознании; Петербург – бездна, «иное» царство, смерть, но Петербург и то место, где национальное самосознание и самопознание достигло того предела, за которым открываются новые горизонты жизни, где русская культура справляла лучшие из своих триумфов, также необратимо изменившие русского человека» [Топоров 1995: 270]. И эта цитата как нельзя лучше описывает мир Петербурга, реализовавшегося в произведениях Достоевского.

Персонажи Петербургского текста Достоевского – это, чаще всего, сумасшедшие, падшие женщины, самоубийцы и мечтатели, с помощью описания их трагических судеб писатель и раскрывает северный город.

В описании Петербурга автор всегда подчеркивал то, что большой город является сосредоточием дьявольской цивилизации, которая оказывает на человека негативное воздействие. В «Преступлении и наказании» Достоевский «раскрашивает» Петербург в желтый. Тяжелый, довлеющий,двигающий на необдуманные поступки цвет безысходности мы можем увидеть в описании мебели и стен. Одежда старухи-процентщицы (*«на плечах, несмотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтелая меховая кацавейка»*), лицо Мармеладова (*«с отекившим от постоянного пьянства желтым, даже зеленоватым лицом»*), каморка Раскольникова (*«Наконец ему стало душно и тесно в этой желтой каморке, похожей на шкаф или на сундук»*) также желтого цвета. Это постоянное упоминание создаёт атмосферу напряжённости.

Петербург Достоевского олицетворяет человеческие муки, страдания и горе. Его герои протестуют против унижения и верят в своё призвание на Земле. Однако далеко не все в состоянии справиться со зловещей силой города и большинство из них либо погибает, либо попадает под суд.

Важно отметить, что автор представляет совершенно новый ракурс изображения Петербурга. Этого мы не увидим, к примеру, в пушкинском тексте. Он осознанно обращается к петербургским трущобам, показывает город с его самой неприглядной стороны, сравнивает комнаты с гробом, сараем, с чем угодно, но только не с тем местом, которое действительно пригодно для жизни человека. Описание Петербурга в произведениях Достоевского похоже на зловещую и беспощадную бездну, которая поглощает

всех и вся, умерщвляя в людях их души и подменяя здравые мысли нездоровыми идеями. Он акцентирует внимание на том, что Петербург населён «бывшими» людьми и эта деталь очень наглядно характеризует город – большой, но поистине сложный и страшный.

Сам же Достоевский был уверен, что в Петербурге живут либо юродивые, либо сумасшедшие. Только будучи святым или ненормальным человек может вынести тяжелую энергетику этого города.

Таким образом, Петербургский текст символизирует собой пространство жизни и смерти одновременно, этот город проводит людей через сложности и умирание к воскресению и вечным смыслам. Это проявляется, прежде всего, во внутренней структуре текста. Описание Петербурга в творчестве разных авторов во многом схоже, благодаря внутреннему «голосу» северной столицы, который можно услышать и сегодня, бродя по его улочкам, заглядывая в лица прохожих и подсознательно чувствуя тайное присутствие неких иных сил.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1995. 604 с.

2. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. Москва: Изд. группа «Прогресс-Культура», 1995. 624 с.

Aleksandr Pszenicznyj

*(Uniwersytet Moskiewski im. M.W. Łomonosowa, Wydział Historii
Moskwa, Rosja)*

Nowoczesny tradycjonalizm polskiego emigranta Michała Czajkowskiego (Sadyk-paszy)

Polski emigrant Michał Czajkowski jaskrawością swojego losu wyróżnia się nawet na tle takiej wybitnej społeczności, jak polska Wielka emigracja, która powstała po klęsce Powstania listopadowego 1830 - 1831. Był kolejno grekokatolikiem, muzułmaninem, prawosławnym; polskim powstańcem, agentem dyplomatycznym A. Czartoryskiego, tureckim oficerem i rosyjskim poddanym.

Nic więc dziwnego, że jego osoba przyciąga uwagę badaczy. Rozpatrywano przede wszystkim jego życiorys i działalność literacką (zobacz listę literatury). Obecny referat jest poświęcony poglądom Czajkowskiego na temat miejsca Polaków w świecie w kontekście nowoczesności wieku XIX, które znalazły odbicie w jego wspomnieniach:

1) W Europie jest Zachód, cywilizacja niemiecko-łacińska, i jest Wschód, cywilizacja słowiańsko-prawosławna .

2) Polska historycznie należała do cywilizacji słowiańskiej i była przeznaczona przez Boga do zjednoczenia wszystkich Słowian w jedno państwo, ale z powodu własnej niepojętności i niemiecko-jezuickiej intrygi Polacy zapomnieli o swoim słowiańskim posłannictwie.

3) Dążenie Polaków do Zachodu jest szkodliwe i bezsensowne nie dlatego, że zachodnia cywilizacja jest zła, ale dlatego, że jest obca Polakom i, oni zatem nie będą mogli połączyć się z nią zupełnie, ale tylko odwrócą się od Słowian, zostając w ten sposób marginalami.

4) Rozbicie Słowian jest podobne do niemieckiego i włoskiego. Forma przyszłego zjednoczenia jest konfederacją pod władzą jednego monarchy.

5) Religia musi być podporządkowana interesom narodowym, a nie odwrotnie. Katolicyzm jest więc największym złem dla Polski bo, odwrócił ją od Słowian.

6) Yeszcze jednym zagrożeniem ze strony katolicyzmu jest całkowite rozpyływanie się tożsamości polskiej w katolickiej.

Granice narodowe więc są większą wartością, niż wyznaniowe. Co doprowadziło go do takich poglądów? Obserwując procesy polityczne, gospodarcze, kulturowe, z którymi jest związane odejście staropolskiego sposobu życia do przeszłości i okcydentalizacja polskiej szlachty, Czajkowski przekonał się, że najważniejsza dla Polaków jest nie wierność katolicyzmowi, lecz walka o swoją oryginalność, to znaczy o istnienie Polaków jako narodu. I w związku z tym zagrożenie stanowi nie prawosławny i muzułmański Wschód, lecz niemiecko-francuzki Zachód. Najwyraźniej, jego zwrot do nowocześniejszego obrazu świata był swoistą reakcją na wyzwania, które nowoczesność rzuciła archaicznemu staropolskiemu życiu.

ŹRÓDŁO

Записки Михаила Чайковского // Русская старина. 1895-1904.

LISTA LITERATURY

1. Білий Д. Чорноморське козацьке військо в планах польського національно-визвольного руху середини XIX ст. // Схід. 2008. № 6(90).
2. Борисенок Ю. А. Атаман Садык-паша // Родина. 1999. №5/6. С. 94-97.
3. Жуков К. А. Поляки в Османской империи и Россия (60е-70е годы XIX века) // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 6(33).
4. Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. Київ: Основи, 1994. Т. 1.
5. Пригарин А. А., Сень Д. В. Панславизм Михаила Чайковского и история казачества в Османской империи. Краснодар, 2007.
6. Chudzikowska Jadwiga. Dziwne życie Sadyka Paszy. O Michale Czajkowskim. Warszawa: PIW, 1971, s. 600.
7. Grabowicz George Gregory. The History and Myth of Cossack Ukraine in Polish and Russian Romantic Literature. Ph.D.Thesis, Harvard University, 1975.
8. Piotrowiczowa Jadwiga z Wakulskich. Michał Czajkowski jako powieściopisarz. — Wilno, 1932.

Анастасия Шатнова

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, исторический ф-т
Москва, Россия)*

Проблема моравского сепаратизма в чешской либеральной публицистике 40-х годов XIX века

Важным аспектом, нашедшим отражение на страницах чешской либеральной политической прессы, были взаимоотношения между чехами и так называемыми мораванами. Наиболее остро этот вопрос поднимался в работах Карела Гавличека Боровского и Франтишека Палацкокого – чешских политических деятелей середины XIX столетия. Официально единство Чешских земель продолжало сохраняться и после вхождения в состав монархии Габсбургов. Однако разобщённость оставалась заметной и крайне

болезненной для Праги как объединительного центра. Одними из свидетельств этому становятся титулы, которыми обладали австрийские монархи, правящие в Чешских землях, а именно титулы Чешского короля, моравского маркграфа и силезского герцога [Чешская нация на заключительном этапе формирования...1989: 36].

Основную проблему в отсутствии внутреннего единства чехов, мораван и словаков Боровский видел не в глубоких этнических и психологических аспектах, а скорее в том, что лежало на поверхности. Так, его всерьёз беспокоит отсутствие общего названия для чехов, мораван и словаков, которое бы объединяло их всех и лишней раз подчёркивало их общность [Borovský 1900a: 48]. Именно поэтому Боровский старается активно внедрять свой собственный термин «чехославянин», дабы объединить под ним эти три народа, но в итоге и сам признаёт, что термин слишком неестественный и далёк от восприятия и использования простым народом [Borovský 1900a: 49].

Согласно Боровскому, «Чехия и Моравия – это полностью однотипные земли, в основном, заселённые одним народом» [Borovský 1900b: 70]. Именно это позволило бы успешно управлять этими территориями в случае их объединения. Об аналогичных естественных основах государственной и национальной жизни в Чехии и Моравии говорит и Ф. Палацкий, делая упор на один язык, хоть и с различными его диалектами [Palacký 1977: 173].

Палацкий утверждает, что принцип объединения мораван и чехов звучал как «Свобода и равные права для всех!», однако, он был неправильно воспринят чешскими соседями и главный акцент был расставлен на превосходстве чехов над мораванами в случае объединения. При этом он утверждает, что это неправильное восприятие не является объективным и не показывает отношения к данному вопросу всей нации моравской [Palacký 1977: 173].

В качестве основного и главного инструмента, через который можно было оказать полноценное воздействие на сознание моравских чехов, Гавличек видел «распространение образования» [Borovský 1900b: 45], в то время как Палацкий возлагает больше надежд на общее историческое прошлое и общую память чехов и мораван [Palacký 1977: 171]. Обращаясь к истории, он упоминает тот факт, что до сего момента Моравия и Силезия

исторически являлись землями Чешской короны, однако теперь это вдруг вызвало спор! Он неоднократно взывает к историческому праву и как бы задаёт вопрос моравским братьям «Чем же не мила вам наша общая история?» [Palacký 1977: 171-172].

Подводя некоторый итог, следует сказать, что, несмотря на все проблемы, с которыми столкнулось чешское национальное движение в отношении моравского сепаратизма, всё же удалось добиться некоторой консолидации чехов и мораван. По мнению А. С. Мыльникова, не последнюю роль в этом сыграли некие локальные черты и многослойность моравского самосознания [Мыльников 1997: 41].

В целом, нужно отметить, что как Боровский, так и Палацкий всеми силами старались уйти от самого явления моравского сепаратизма. Они хотели видеть единую чешскую нацию, мощную и сильную, хотели вывести её на более высокий уровень за счёт объединения с очень близким, на их взгляд, населением, как Моравии, так и Словакии. Однако внутренние процессы этнического индивидуализма были настолько сильными, что, в конечном счёте, взяли верх. Крайне болезненная проблема моравского сепаратизма имела гораздо более глубокие корни и удивительную живучесть, чем предполагали чешские лидеры. Более того, она существует и по сей день. Чех из Моравии и чех из Чехии будет отличаться не только акцентом и багажом разных культурных и фольклорных традиций, но чем-то большим. Тем, что нельзя ощутить, но можно почувствовать сразу, чем-то на особом ментальном уровне. Сейчас это явление специалисты определяют одним очень чётким термином – «мораванство».

ЛИТЕРАТУРА

1. Františka Palackého Spisy drobné. Díl I. Spisy a řeči z oboru politiky. Praha, 1898.
2. Palacký 1977 – *František Palacký. Úvahy a projevy. Z české literatury, historie a politiky.* Praha, 1977.
3. Borovský 1900a – *Havlíček Borovský. Politické Spisy. Díl I.* Praha, 1900.
4. Borovský 1900b – *Havlíček Borovský. Politické Spisy. Díl II.* Praha, 1900.

5. Мыльников 1997 – Мыльников А. С. Народы центральной Европы: формирование национального самосознания XVIII-XIX вв. Спб., 1997.

6. Чешская нация на заключительном этапе формирования...1989 – Чешская нация на заключительном этапе формирования; 1850-нач. 70-х годов XIX в. М., 1989.

Алина Швец

*(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Москва, Россия)*

Исторический путь Чешской Силезии

Современная Чешская республика делится на четырнадцать краёв, одним из которых является Моравскосилезский край. Его столица – город Острава. Этот город разделяется рекой Оставкой на две части: Моравскую и Силезскую.

Прежде чем приступить к изучению истории Силезии, нужно разобраться в этимологии этого термина. По одной версии Силезия получила своё название от реки Слезы (Sleza), нынешней Логге (Lohe), притока Одера. Но словацкий историк второй половины XIX века Франтишек Сасинек полагал, что топоним имеет протославянское происхождение, а Силезия (Slezsko), Шлезвиг (Slesvik) и Слятина (Sljatina) произошли от одной и той же морфемы «Сля», означающей «стоячая вода» [4].

Как можно понять из предыдущего предложения, Силезия имеет три названия, так как входит в состав трёх государств: Польши, Чехии и Германии. В своём докладе я рассмотрю историю Чешской Силезии, это земли на северо-востоке республики, которые выходят к границам Польши и Словакии.

В связи с тем, что на территории всей Силезии сталкивались интересы «германцев» (Германии и Австрии) и «славян» (Польши и Чехии), с переменными успехами эта область принадлежала то одним, то другим. Так, до 1918 года территория нынешней Чешской Силезии входила в состав Австро-Венгерской империи и носила название Австрийская Силезия, а ещё раньше эта территория долгое время была в составе Польши.

В конце IX в. значительная часть Силезских земель вошла в состав Велико-моравского государства, когда оно пало под ударами венгров, в X в. Силезию поделили Польша и Чехия, но к концу века она уже вся принадлежала Польше. В 968 году на эти земли пришло христианство.

Польские правители, династии Пястов, всячески поощряли миграцию германских переселенцев в Силезию, с целью развития торговли, сельского хозяйства и культуры. Однако быстрый рост немецкого населения привел к осложнению и без того непростой религиозно-этнической ситуации [Мельников 2003: 135].

Во второй половине XVIII в. территория Чешской Силезии начала приобретать своё нынешнее очертание. К тому времени значительная часть края с чешским населением входила в состав Австрии. Современная Чешская Силезия — это часть Силезии, которую прусский король Фридрих II Великий, во время Войны за австрийское наследство, оставил Австрии в 1742г.

К началу XX в. Австрийская Силезия стала в значительной степени германоязычной территорией, но с большой долей славянского населения. После окончания Первой мировой войны Лиге наций пришлось решать вопрос с Силезией, где события принимали очень острый характер.

На Крымской конференции 1945 г. одним из главных стал вопрос о дальнейшей судьбе Силезии, его решили с «хирургической» точностью: большая часть отошла Польше, Чешская Силезия осталась в Чехословакии, а совсем малая территория была передана Восточной Германии [2].

В результате многовековых и многогранных связей народа Чешской Силезии с Чешской Республикой в материальной и духовной культуре народов края сложилось много общего, помимо специфического.

В любых реформах важно учитывать исторический опыт и ретроспективу этнокультуры в разные периоды развития общества в конкретном регионе страны. Для того чтобы возродить традиции предков, вернуть народ Чешской Силезии к их истокам, необходимо целенаправленно поддерживать и развивать культурное наследие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельников 2003 – История культур славянских народов / Отв. ред. Г.П. Мельников. М.: ГАСК, 2003.

2. Крымская конференция. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krim-konference.at.ua/load/teksty/stati_tezisy_zametki/shevchenko_o_k_simferopol_granicy_jalty_v_novejshej_istorii_polshi_ehtnokulturnye_problemy_formirovanija_zapadnoj_granicy_polshi/10-1-0-2

3. Чешская Силезия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://geosfera.org/evropa/chexiya/2658-cheshskaya-sileziya.html>

4. Чешская Силезия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://slovar.wikireading.ru/2204869>

Наталья Белова

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, исторический ф-т
Москва, Россия)*

Obraz ideálního panovníka v «Christoslavě» slezského jezuita Matěje Vieria

Pobelohorské období v české historii bylo poznamenáno dvěma hlavními procesy. Za prvé, České země byly definitivně začleněny do habsburské monarchie. Za druhé, začala plošná a násilná rekatolizace, tj. upevnění pozice katolické církve a znovuobrácení obyvatelstva na katolicismus. Tyto dva procesy jsou úzce související. Habsburkové vedli politiku centralizace a centralizovaný stát mohl být založen jenom na náboženské jednotě. Je důležité poznamenat, že neexistovala jediná koncepce rekatolizace, a došlo k vážné polemice ohledně použití prostředků a metod její realizace.

Svůj názor na politiku rekatolizace a na roli v ní panovníka vyjádřil slezský jezuita Matej Vierius ve své knize «Christoslav». Cílem té práce je analyzovat obraz ideálního monarchy v tomto díle. Prozkoumání obrazů moci je dnes dost nový a populární trend v historické vědě, který se aktivně rozvíje.

Matěj Vierius je málo známá postava v české historiografii a není vůbec známá v Rusku. Učil na vysokých školách v Praze, byl kazatelem a misionářem ve Slezsku, na Moravě a v Čechách a taky napsal dvě díla. Jeho kniha «Christoslav», která byla vydána v Praze v roce 1689, je dílo složitého žánru, který kombinuje prvky kázání, barokní legendy, zrcadla a epické literatury. Někteří vědci se

domnívají, že to je román. «Christoslav» vyprávuje o životě vymyšleného knížete Christoslava, panovníka vymyšleného Almarikanského státu. Řada faktů dovolí dojít k závěru, že jde o České země. V Christoslavě autor vidí ideálního panovníka, a proto je důležité odhalit osobní vlastnosti ideálního panovníka a analyzovat jeho politickou činnost.

Christoslav představuje ideálního křesťanského panovníka, jehož hlavními vlastnostmi jsou ctnosti: víra, láska k Bohu, spravedlnost, moudrost, milosrdenství, trpělivost, pokora, odvaha, umírněnost. Osobnost panovníka hraje obrovskou roli, protože jedním z jeho úkolů je starat se o duše svých poddaných. A proto monarcha musí být příkladem zbožného života pro svůj národ. Ctnosti, podle názoru Viera, dělají člověka hodným koruny. Mezi vlastnostmi, které vládce potřebuje, nenajdeme ty, které by překročily hranice křesťanské morálky. Proto vznikají otázky: jak může tento ideální monarcha řídit stát? Může se v některých případech odchýlit od morálních zásad pro dobro státu? Tyto otázky v XVI. - XVII. století vyvolaly prudkou diskusi mezi politickými mysliteli. Myšlenka Machiavelliho, že se politik může odchýlit od morálních norem pro dobro státu, šokovala Evropu. To vedlo ke vzniku směru anti-machiavellismus, tj. odmítnutí a odsouzení názorů florentského myslitele [Bireley 1990: 217]. Myšlenky anti-machiavellistů byly velmi populární a ovlivnily Mateje Viera. Jezuita polemizuje s Machiavellim a snaží se dokázat slučitelnost morálky a politiky. Vierius věřil, že jen ctnostný panovník je schopný dosáhnout prosperity státu, a nemorální politik by vedl svou zemi ke zkáze. Tento názor je prokázán jak fiktivním příkladem Christoslava, tak i příklady reálných monarchů, mezi nimiž je mnoho Habsburků, což svědčí o tom, že Vierius podporoval jejich politiku.

Zvláštní pozornost Vierius věnuje politice rekatolizace, protože považuje upevnění katolicismu za hlavní poslání panovníka. Jezuita podporuje používání násilných metod k dosažení tohoto cíle, ale domnívá se, že jsou oprávněné pouze tehdy, pokud mírové prostředky nejsou účinné. Je důležité podtrhnout, že podle Viera, rekatolizace není záležitost duchovní moci, nýbrž sekulární.

Na závěr bych zdůraznila, že v «Christoslavě» byl vytvořen obraz ideálního křesťanského panovníka, který se stará o duše svých poddaných a vede je ke spasení. Pouze takový monarcha je schopný, podle názoru Viera, dosáhnout prosperity státu a jakákoli odchylka od morálních zásad znamená Boží trest.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bireley R. The counter-reformation prince Anti-Machiavellianism or Catholic statecraft in early Mod. Europe. Chapel Hill; London, 1990.
2. Bireley R. The Jesuits and the Thirty Years War: Kings, courts, and confessors. Cambridge, 2003.
3. Čornejová I. Tovaryšstvo Ježíšovo. Jezuité v Čechách. Praha, 1995.
4. Jezuite a Klementinum. Praha, 2006.
5. Jirásko F. Reformace a rekatolizace ve Slezsku a Kladsku v 16. – 18. století. Liberec, 2018.
6. Kalista Z. Matěj Vieriuv (1634 – 1680) // Česká literatura. R. 17. 1969. Č. 5. S. 478 – 479.
7. Mikulec J. 31.7.1627. Rekatolizace šlechty v Čechách: cí je země, toho je i naboženství. Praha, 2005.
8. Sládek M. Vieriuv Kristoslav a pobělohorská rekatolizace Čech // Literárníarchiv. R. 27. 1994. S. 229–246.
9. Wolny R. Oberschlesische Ordensgeistliche als Barockschriftsteller in Böhmen // Archiv für schlesische Kirchengeschichte. Jg. 62. 2004. S. 163–177.

Данила Кузьменков

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, исторический ф-т
Москва, Россия)*

Общественно-политическая деятельность Т.Г. Масарика в чехословацкой историографии XX века

Проблематика, связанная с изучением структуры партии реалистов, ее программы и деятельности ее главного лидера Т.Г. Масарика начала привлекать исследователей уже в первые десятилетия XX в., когда были заложены первые основы необъятной ныне масарикианы.

Свою лепту в создание образа «отца нации» внес известный чешский писатель К. Чапек. В конце 1930-х гг. он издал свою книгу о Масарике, сделанную на основе записи бесед писателя с президентом. Несмотря на кажущуюся нейтральность избранного Чапеком приема – беллетризованной обработки воспоминаний Масарик, - совершенно очевидно, что его образ

раскрыт через субъективное восприятие самого Чапека: активный общественный деятель и часто бескомпромиссный борец, президент изображен здесь в духе рождественских сказок.

Большое место в деятельности и программе реалистов занимал вопрос отношения к России. Й. Йирасек, посвятивший свою монографию изучению чешско-словацко-русских связей, впервые предпринял удачный, на наш взгляд, сравнительный анализ позиций младочехов и реалистов. На основе материалов младочешских «Народных Листов» и реалистического «Часа» автор констатировал принципиальное различие точек зрения этих двух партий на события в России в начале XX в., в отношении к которым реалисты выступили с позиций последовательного буржуазного демократизма [Jirásek 1933: 35].

Необходимо признать, что одновременно в чехословацкой историографии предпринимались попытки уйти от прямолинейности однозначных выводов при исследовании сложных общественно-политических явлений. Это тенденция прослеживается, например, в работе Ю. Доланского, который изучал чешско-русские связи. В монографии «Масарик и дореволюционная Россия» наряду с обвинениями чешского политика в космополитизме и отрицательном отношении к России отчетливо просматривается и стремление выделить масариковское направление из лагеря консервативных политических сил [Dolanský 1959: 125].

Появление новых точек зрения дало толчок к появлению новых позиций и оценок деятельности Масарика в чехословацкой историографии. Долголетнее скрупулезное исследование вопросов, связанных с мировоззрением и политикой Масарика, нашло свое отражение в монографии чешского историка Я. Опата, которая увидела свет в 1990 г. Труд Опата представляет собой глубокое аналитическое исследование раннего периода деятельности Масарика в качестве профессора философии Карлова (Пражского) университета до 1893 г. Особое внимание уделено анализу его ранних философских произведений, чем, как правило, не занимались чехословацкие историки, несмотря на всю важность этих сочинений для понимания эволюции философского мировоззрения первого президента ЧСР. Кроме того, Опат обратился к проблеме генезиса чешского реализма, попытавшись непредвзято проследить его эволюцию от критического

направления в науке к политическому течению [Opat 1990: 244]. Вместе с тем в рамках проблематики этого периода автор также одним из первых занялся исследованием обстоятельств, приведших к расхождению Масарика с коллегами – Кайзлом и Крамаржем. Интересен и данный Опатом обзор имевшихся в его распоряжении источников и литературы. Так, справедливой представляется его критика историографии 50-х годов.

В целом, можно констатировать, что в оценках характерны перекосы: от идеализации в межвоенный период до резкой критики в 1950-е гг. В настоящее время продолжается линия непредвзятости в оценках, заложенная в 1980-е гг. Также следует отметить, что сохраняется актуальность комплексного изучения различных сторон деятельности Масарика и партии реалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dolanský 1959 – *Dolanský J. Masaryk a Rusko předrevoluční*. Praha, 1959.
2. Čapek K. *Hovory s T.G. Masarykem*. Praha, 1990.
3. Jirásek 1933 – *Jirásek J. Češi, Slováci a Rusko*. Praha, 1933.
4. Opat 1990 – *Opat J. Filozof a politik T.G. Masaryk. 1882- 1893*. Praha, 1990.

Сергей Сорокин

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, исторический ф-т
Москва, Россия)*

Возрождение чехословацкой государственности накануне и в период Первой мировой войны (по материалам работы Т. Г. Масарика «Мировая революция»)

В 1918 году Чехословакия стала самостоятельным государством, обретя независимость от Австро-Венгерской империи. Этому событию предшествовал длительный процесс возрождения чехословацкой государственности, огромную роль в котором играл Томаш Гарриг Масарик, ставший первым президентом независимого государства чехов и словаков.

Актуальность данной темы обусловлена сравнительно небольшим количеством исследовательских работ на русском языке по заявленной проблематике, раскрывающих особенности деятельности Томаша Масарика и его соратников, цели и задачи, которые они перед собой ставили, а также рассматривающих их влияние на становление независимого Чехословацкого государства.

Важнейшими для нашего исследования стали

- коллективная монография «Чехия и Словакия в XX веке» (2005), авторами которой являются ведущие специалисты по чешской и словацкой истории XX века;

- комплексное исследование деятельности Масарика на территории России в работе Е. Ф. Фирсова «Т. Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков» (2012);

- статья Н. П. Нарбута «Философ на троне» (2001), позволяющая провести анализ личности Т. Г. Масарика на основе биографических данных.

Основная цель нашей работы заключается в исследовании становления Чехословацкой государственности во время Первой мировой войны и той роли, которую в этом процессе играл Томаш Гарриг Масарик и его соратники. Для раскрытия данной цели последовательно решались следующие задачи:

изучить и проанализировать биографию Т. Г. Масарика;

исследовать его деятельность по возрождению Чехословацкой государственности;

найти причины успеха деятельности Масарика и его соратников в создании независимого Чехословацкого государства;

выявить роль Первой мировой войны в становлении независимого государства чехов и словаков;

Мы исследовали процесс возрождения чехословацкой государственности на основе произведения «Мировая революция» (1926), автор которой, Томаш Гарриг Масарик, первый чешский президент, сыграл ведущую роль в формировании нового государства. Этот источник содержит, главным образом, сведения о деятельности Масарика за границей в период Первой мировой войны, в частности, большое внимание уделяется описанию

событий, связанных с деятельностью чешского политика по налаживанию связей и контактов в союзных государствах, то есть во Франции, Великобритании, США, России и Италии. Помимо этого, в своих воспоминаниях Масарик активно анализирует ситуацию, характерную для всей эпохи в целом, приводит множество своих мыслей о положении на фронтах Первой мировой войны, а также пишет о важнейших событиях в области дипломатии. Его воспоминания содержат серьёзную аналитику интересных ему культурных, политических и социальных особенностей тех государств, на территории которых он проводил свою деятельность.

Идея о создании независимого государства чехов и словаков начала зарождаться постепенно, отправной точкой можно считать 1867 год. Австро-Венгрия долгое время не обращала внимания на общественно-политическую жизнь чехов, что привело к образованию множества чешских партий на рубеже XIX и XX веков. Ряд ошибок австрийского правительства привел чехов к желанию отделиться и стать самостоятельным государством, но помимо создания собственного государства чехи стремились помочь близкому в культурном и территориальном плане словацкому народу, который подвергался национальной дискриминации со стороны венгров.

Первая мировая война окончательно утвердила намерения чехов и словаков образовать независимое государство. Большую роль в этом сыграл Томаш Масарик, который в 1914 - 1918 гг. вместе со своими сторонниками налаживал связи с союзниками, впоследствии оказавшими необходимую поддержку в создании Чехословакии. Деятельность Масарика не ограничивалась контактами с западными державами, в 1917 году он активно занимался формированием и транспортировкой Чехословацкого корпуса во Францию. В 1918 году, на завершающем этапе войны, действия Томаша Гаррига Масарика и его соратников получили поддержку у лидеров Антанты, что привело к признанию ими независимости Чехословакии.

В нашей работе мы проследили наиболее важные этапы зарождения будущей Чехословацкой республики, рассмотрели деятельность ключевых участников этого процесса, сосредоточившись главным образом на личности Томаша Гаррига Масарика и его взглядах, изложенных в труде «Мировая революция». Помимо этого был исследован фактический материал,

связанный в первую очередь с заграничной деятельностью чешских и словацких организаций.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. Масарик Т. Г. Мировая революция. Воспоминания. Прага, 1926.

Историография

1. Нарбут Н. П. Философ на троне (штрихи к портрету Т. Г. Масарика). – Личность культура общество. М., 2001.

2. Фирсов Е. Ф. Опыт демократии в ЧСР при Т. Масарике: коалиционный плюрализм (1928–1934). М., 1997.

3. Фирсов Е. Ф. Т. Г. Масарик и российская интеллектуальная среда (по архивам Чехии и России). М., 2005.

4. Фирсов Е. Ф. Т. Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков. М., 2012.

5. Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории: в 2 кн. М., 2005.

Марина Каптур

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, исторический ф-т
Москва, Россия)*

Становление политической программы «русских чехов» в годы Первой мировой войны

В результате Великой войны с карты мира исчезли четыре империи: Германская, Российская, Османская и Австро–Венгерская, а на руинах этих государств возникли новые политические образования, в том числе независимая Чехо-Словакия.

Роль России и «русских чехов» в создании движения сопротивления против Австро-Венгрии неопределима. Воодушевлённые призывами российского императора Николая II представители чешской и словацкой эмиграции в России в первые дни войны заявили о своем желании выступить за благое дело освобождения славянства на стороне Антанты. Одновременно с проектами создания добровольческих чешских воинских частей стали появляться различные меморандумы и записки политического характера. В

них выражены надежды чехов на восстановление суверенитета Чешского государства. Термин «чешский вопрос», широко использовавшийся во время Великой войны и после нее, отражал в концентрированном виде чаяния чехов и словаков о создании самостоятельного чешского государства, обобщенно подразумевал все виды борьбы за его решение на международной арене и в Австро-Венгрии.

На протяжении всей войны в среде «русских чехов» шло активное формирование политической программы. Великая война позволила поднять вопрос об исключении Чешских земель из состава Австро-Венгерской империи и открыла новые векторы их политического развития.

Политическая программа «русских чехов» за годы войны претерпела серьезную трансформацию. В первые месяцы вооруженного конфликта «русские чехи» видели в России единственное практическое средство решения чешского вопроса. Важной задачей для них было получить официальное заявление российских властей о поддержке идеи создания независимого от Австро-Венгрии национального государства.

Для достижения этой цели в начале войны рассматривались два возможных варианта действий. Первым и наиболее приемлемым проектом была инкорпорация Чехии в состав Российской империи. Этот план поддерживался незначительной группой сторонников позднего славянофильства [Чешско-Словацкии (Чехословацкии) корпус 2013: 145]. Второй возможностью реализации амбициозной программы было создание чешско-моравско-словацкого королевства во главе со славянским королем [Там же: 78].

Несмотря на все предпринимаемые усилия, «русским чехам» не удалось добиться от российского правительства официального заявления о поддержке их далеко идущих планов. Оно не могло появиться без общего согласия союзников, нарушало всю сложившуюся систему международных отношений. Чехами был восторженно принят манифест Верховного главнокомандующего Русской императорской армии великого князя Николая Николаевича к народам Австро-Венгрии, обещавший свободу и осуществление народных чаяний. Он получил широкое распространение во всех чешских и словацких землячествах, несмотря на то, что на деле оказался не более чем декларацией о намерениях.

Бюрократические проволочки в империи ограничивали потенциал чешско-словацкого национального движения. Это заставило чехов изменить свою политическую ориентацию. Из их политической программы постепенно исчезает требование создания «Чешско-словацкого королевства». На смену ему приходит формулировка «чешско-словацкое государство», что означало постепенное слияние программы «русских чехов» с программой Чешско-словацкого национального совета в Париже (ЧСНС), возглавившего заграничную акцию в феврале 1916 г. По сути это означало, прежде всего, радикальное решение словацкого вопроса.

В начале войны лидеры «русских чехов» занимали двойственную позицию. С одной стороны, они признавали словацкий народ способным «самостоятельно принимать решения и осуществлять управление в вопросах культурных и внутривнутриполитических». [Там же: 77.] С другой – не сомневались, что словацкий народ по достоинству оценит «выгоды, которые он бы получил от династического, военного и экономического объединения с Чешским королевством». [Там же: 78]. «Киевское соглашение» поставило словацкий вопрос в России в русло проводимой ЧСНС политической линии, направленной на объединение двух народов в рамках одного государства в рамках теории «чехословакизма».

Подписание Киевского протокола в августе 1916 года означало объединение двух центров заграничного сопротивления под руководством ЧСНС. Переориентация большинства русских чехов на западных союзников привела к роковому решению российских властей взять чешское движение под свой контроль. Эта попытка оказалась провальной и нанесла непоправимый урон образу России. Навязанный «сверху» политический курс не получил поддержки у чешских военнопленных, включившихся на данном этапе в политическую борьбу. Все это способствовало окончательному объединению чешских сил под главенством Масарика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чешско-Словацкии (Чехословацкии) корпус 2013 – Чешско-словацкии (Чехословацкии) корпус (1914-1920). Документы и материалы. Т. 1. Чешско-словацкие воинские формирования (1914-1917). М., 2013.

Мария Горохова

*(Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия)*

**Проблема адаптации русских эмигрантов в Чехословакии Первой
волны: языковой аспект**

В последнее десятилетие немало написано о русском зарубежье и его многогранном культурном наследии. Между тем, собрание буквально по крупицам документальных памятников истории и культуры России, пронесённых русской эмиграцией, является наиболее ярким свидетельством духовности русского зарубежья, подчёркивает его роль в сохранении национального единения в изгнании, в продолжение исторических традиций русского народа. За Прагой прочно утвердилось название интеллектуальной столицы русского зарубежья. Оказавшись за пределами России, многие русские эмигранты с начала своего пребывания в изгнании поняли необходимость сохранения того исторического и культурного наследия, которое было вывезено из России и создано ими на протяжении жизни в странах, их приютивших.

Хотим заметить, что не все эмигранты являлись интеллигенцией. Часть из них была земледельцами, военными, казаками. Естественно, практически никто не владел чешским или словацким языками. Как чехи, так и словаки в девятнадцатом веке были русофилами: им было присуще хорошее знание русской культуры, литературы и положительное отношение к России, как и ко всем славянским странам, поэтому эмиграция пришла на подготовленную почву.

Чешская интеллигенция и государственные деятели, в первую очередь – К. Крамарж и Т. Г. Масарик, были знатоками России. В своем большинстве люди, приехавшие в Чехословакию, были приглашены правительством, им оказывалась помощь. Важно, что те эмигранты не желали покидать Россию. Они хотели помогать ей, трудиться, были в своем большинстве людьми высокого морального склада и приверженцами избранных идей [Документы 1998: 112-113]. Поэтому никакой вражды между коренным населением страны и русскими эмигрантами тогда не было.

Естественно, чешская культура и русская эмиграция встречались в разных объединениях. Одним из них стало *Česko-ruská jednota* (Чешско-русское единство), в котором состояли чешские и русские переводчики, писатели. Они устраивали вечера, читали стихи. В то время стало традицией праздновать юбилеи [Шкаренков 1987: 23].

Стоит отметить, что не вся столичная интеллигенция – московская и петербургская – хотела изучать чешский язык. На этой почве возникали проблемы, но со временем они были улажены. Некоторые представители интеллигенции выучили чешский язык и даже стали на нем преподавать.

Целью нашего исследования является изучение языковой адаптации русских эмигрантов в Чехословакии в межвоенный период, выявление их отношения к необходимости знания чешского и словацкого языков и анализ способов их изучения.

На протяжении веков чешские земли служили местом соприкосновения различных культурных традиций. Особенно ярко эта особенность прослеживалась в Праге, культурный и лингвистический ландшафт которой был сложен из славянского, германского и еврейского компонентов. Действительно, в чешской столице, как нигде в Центральной Европе, остро стояла проблема соотношения лингвистической принадлежности и национальной идентичности. Вполне прав американский исследователь Дерек Сайер, отметивший, что в Праге эти вопросы были актуальны на протяжении двух последних столетий [Тимонин 1995: 48-55]. Языку принадлежала особая роль в сложных процессах национального и государственного строительства, поскольку он, по словам чешского филолога Томаша Гланца, служил «признаком самоопределения, суверенитета, культурных и гражданских достоинств и вообще национальной культуры» [Там же: 72].

Именно язык всегда являлся одним из главных маркеров коллективной идентичности. Согласно авторитетному мнению Питера Бёрка, британского историка культуры, медиевиста, эксперта по истории культуры нового и новейшего времени, «говорить на том же языке или диалекте, что и окружающие тебя люди, – простой и эффективный способ проявить солидарность; говорить на другом языке или диалекте – столь же эффективный способ противопоставить себя другим личностям или группам» [Савицкий 2002: 115].

После обретения Чехословакией независимости в 1918 г. резко изменился сам культурный статус чешского языка, ведь «чехи стали не только представителями большинства, но и носителями политической власти в новом государстве» [Там же: 91]. Они осуществили «стабилизацию этнического национализма» по линии язык – нация – государство. Вместе с тем немецкий язык и немецкая культура стали восприниматься как враждебные.

Можно засвидетельствовать, что русский язык оставался главным инструментом межэтнического общения. Примечательно, что многочисленные русские интеллектуалы, жившие в межвоенной Чехословакии, предпочитали общаться со своими коллегами и вести переписку именно на русском языке.

Обобщим, что языковая адаптация эмиграции, на примере Чехословакии 20 – 30-х гг. XX в., определялась культурным восприятием самими эмигрантами из России себя и своих задач в условиях принявшей их страны. Пока русские считали свое пребывание в Чехословакии лишь временным, они не стремились стать частью чешского общества. Но по мере таяния надежд на возвращение в Россию, вопрос о приспособлении к новой культурной, в том числе и языковой, среде становился все более острым. Он приводил к определенной культурной изоляции, которая «усиливалась попытками сохранить российскую идентичность» [Письма Вершинина В.М.]. В то же время, следует признать, что для немногочисленных эмигрантов, остававшихся в Чехословакии к началу Второй мировой войны, языковой вопрос остро уже не стоял. За время пребывания на чужбине они, в целом, овладели местным языком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Документы 1998 – Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918-1939). Прага 1998.
2. Письма Вершинина В.М – Письма Вершинина В.М. о деятельности в Праге // ГАРФ, ф. 5893, оп. 1, д. 85, л. 2.
3. Савицкий 2002 – *Савицкий И.* Прага и зарубежная Россия (очерки по истории русской эмиграции 1918 – 1938 гг.) /И. Савицкий. – Прага: IDEG PRAGUE, 2002. – 151 с.

4. Тимонин 1995 – *Тимонин Е.И.* Судьбы русской монархической эмиграции (1917-1928) // Вопросы истории и литературы. Омск, 1995.
5. Шкаренков 1987 – *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции / Л.К. Шкаренков. – М., 1987.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Воля России = *Volja Rossii* / Ред. И. Давид; Изд. Е. Лазарев; При ближ. участии: В. М. Зензинова, В. И. Лебедева, О. С. Минора. - 1920, 12 сент. - 1921, 9 окт. - Прага, 1920-1921.
2. Славянская заря / Ред.-изд. Ф. К. Шнепп. - 1919, 10 сент. - 1920. - Прага, 1919-1920.
3. Профессора Новгородцева П.М. из Праги // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ), ф. 5919, оп. 1, д. 122, л. 2.
4. Отчеты о деятельности представительства белоэмигрантского Российского общества Красного Креста в Чехословакии // ГАРФ, ф. 5857, оп. 1, д. 2, л.
5. Положение о чешско-русском белоэмигрантском кредитном учреждении "Социетас". Проект устава посреднической камеры примирения при Объединении русских белоэмигрантских организаций в ЧСР. Положение о постоянном третейском суде при Объединении Русских белоэмигрантских организаций ЧСР. Копии // ГАРФ, ф. 5857, оп. 1, д. 5, л.

БИБЛИОГРАФИЯ

6. Рейтман М., Знаменитые эмигранты из России / М. Рейтман. – Ростов н/Д, 1999.
7. Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890 – 1937 годы: идейные воззрения, политическая активность связи с российскими государственными и общественными деятелями / Е.П. Серапионова. – М.: Наука, 2006. – 512 с.
8. Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20 – 30-е годы) / Е.П. Серапионова. – М., 1995.

9. Фирсов Е.Ф. Опыт демократии в ЧСР при Томаше Масарике: коалиционный плюрализм / Е.Ф. Фирсов – М., 1997.

Татьяна Рутковская

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, исторический ф-т
Москва, Россия)*

Charta 77: mezinárodní kontakty českých disidentů (1977-1989)

Charta 77 představuje české protestní hnutí, které kritizovalo porušování práv a svobod. Hnutí je pojmenováno podle přijatého v roce 1977 programového dokumentu, který sloužil základem pro vytvoření skupiny politických disidentů, která existovala od roku 1976 až do roku 1992.

Text Charty byl sestaven v roce 1976. Impulsem ke vzniku dokumentu bylo zveřejnění Mezinárodního paktu o občanských a politických právech, který se opíral na helsinskou smlouvu roku 1975, ke které se formálně připojil režim socialistického Československa (ČSSR).

Význam Charty je obtížné přeceňovat. To byla první opoziční iniciativa v sovětském bloku, která sloužila podnětem ke vzniku podobných hnutí v jiných zemích sovětského bloku, a tvůrci Charty po sametové revoluci zaručili přechod země k demokratickému uspořádání.

Toto téma upoutalo pozornost mnoha výzkumníků. V domácí historiografii až do konce osmdesátých let pochopitelně nedostalo opoziční hnutí a politický vývoj Československa adekvátní reflexe. Zde stojí za zmínku práce E.G.Zadorožňukové "Od pádu Pražského jara k triumfu Sametové revoluce".

Co se týče zahraničních odborníků, historií Charta 77 se zabýval francouzský a český politolog a publicista Jacques Rupnik, čeští historikové Pavel Kosatik, Zdeněk Jičínský, kanadský politolog Gordon Skilling, anglický historik Jonathan Bolton a mnoho dalších. Existují také sborníky článků věnovaných tomuto tématu. Většina těchto prací se však zaměřuje na vnitřní strukturu, účastníky, vztahy se státem.

Velmi důležitý je také mezinárodní aspekt činnosti charty.

Za prvé, je to především způsob prohlášení o sobě. 1/3 respondentů uvedla, že dostali informace o Chartě 77 prostřednictvím zahraničních rozhlasových

stanic. To znamená, že v počáteční fázi kromě navazování kontaktů měly za cíl informovat vlastní občany o Chartě. A pak všechna tato prohlášení, gratulace apod. byly způsobem zůstat bodem v informační agendě. S touto otázkou je také spojen jeden ze směrů spolupráce Charty s dalšími hnutími: spolupráce v oblasti sdělovacích prostředků. Například polský nezávislý tisk zveřejnil dokumenty Charty, rozhovory a články jejích signatářů. Chartisté zase podnikli kroky k zajištění přiměřeného reflektování událostí v Polsku.

Za druhé, existovaly organizace doprovázející činnost hnutí. V dubnu 1978 byl vytvořen výbor pro ochranu nespravedlivě stíhaných, zprávy o jeho činnosti byly zveřejněny na BBC, rozhlasových stanicích Svoboda a Hlas Ameriky.

Za třetí, v zahraničí fungovaly organizace, které podporovaly činnost chartistů. Například, Charta spolupracovala s fondem Jana Husa v Oxfordu, který organizoval návštěvy slavných spisovatelů, skladatelů a filozofů do Prahy. To znamená, že při přísné kontrole uvnitř země, kde byla činnost aktivistů pod dohledem tajné policie a cenzury, vnější vztahy poskytovaly pro Chartu možnost provádět činnost v zahraničí a informovat své vlastní obyvatelstvo jak o ní, tak i o tom, co se děje uvnitř země.

Za čtvrté, důležitou roli hrály osobní kontakty chartistu s disidenty z Polska a NDR pro konsolidaci hnutí v různých zemích sovětského bloku.

Výzkum mezinárodních kontaktů chartistů umožňuje nastínit hlavní směry kontaktů, tj. s jakými organizacemi a hnutími Charta spolupracovala nejaktivněji. Na prvním místě stojí zde polská organizace Solidarita, s níž chartisté spolu řešili otázky vězňů, problémy tisku, a také zařídili osobní setkání. Kromě toho, zkoumání mezinárodních styků chartistů dává možnost zhodnotit roli těchto kontaktů při vývoji hnutí a sledovat jejich dynamiku, která se výrazně liší s ohledem na různé země a různá hnutí.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Задорожнюк Э. Г. От крушения Пражской весны к триумфу "бархатной" революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 — ноябрь 1989 г.). М.: "Индрик", 2008. – 440 с.

2. Charta 77. Dokumenty 1977-1989. Praha: "Ústav pro soudobé dejiny AV CR", 2007. - 1175 s.
3. Charta 77 očimasoučasníků. Brno: "Doplňěk", 1997. - 331 s.
4. Charta 77. Od obhajoby lidských prav k demokraricke revolucí. 1977-1989. Sborník z konference k 30. výročí Charty 77, Praha, 21.–23. března 2007 .Praha: "Ústav pro soudobé dějiny AV ČR", 2008. - 415 s.
5. Solidarita napříč hranicemi. Opozice v CSSR a NDR po roce 1968. Praha: "Vyšehrad", 2010. - 383 s.
6. Jicinsky Z. Charta 77 a právní stát. Praha: "Doplňěk", 1995. - 236 s.
7. Svoboda P. Počátky hnutí Solidarita v Polsku optikou českého tisku / Promýšlet Evropu dvacátého století: Evropa sjednocená-rozdělená. Brno: "Matice moravská", 2012. - s. 261-274.

Моника Стенхлакова

*(Остравский университет, философский ф-т
Острава, Чешская республика)*

Отражение языковой картины мира в польских, русских и словацких пословицах

В работе рассматривается проблема языковой картины мира на основе сравнения польских, русских и словацких пословиц. Пословицы, поговорки и фразеологизмы в общем понимании отражают жизнь конкретного народа в историческом развитии. Все эти элементы указывают на свойственный способ проживания жителей данной области. У каждого народа есть свои культурные, исторические и языковые особенности и традиции, которые активно или пассивно влияют на языковую картину мира и возникновение стереотипов народа.

Целью работы становится анализ конкретных фразеологических единиц в трёх славянских языках, чтобы показать схожие элементы славянской культуры в языке. Анализ конкретных групп с историко-культурной точки зрения, так как человек в прошлом наименовал всё, что его окружало: животных, части тела, явления природы. Показать, что эти исследования

человека и их переносный смысл стали основой народной мудрости. Доказать, что в языках общего славянского происхождения, по всей вероятности находятся схожие фразеологизмы с семантической точки зрения и языковой структуры данных элементов.

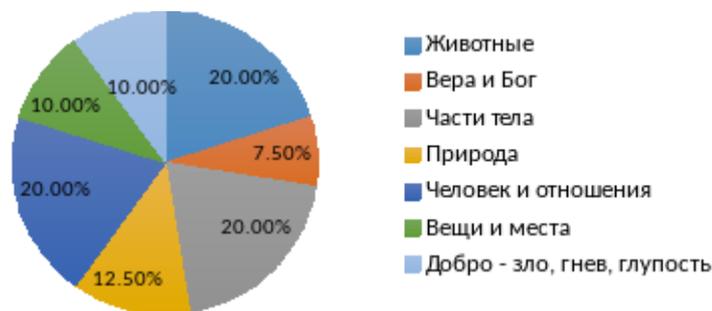
Проблема ЯКМ является актуальной в настоящее время, потому что на основе корпусов составленных из пословиц и других компонентов народной мудрости, сохранившихся во фразеологических единицах, можно изучать культурный код славян. Использование фразеологических единиц также является актуальным как с точки зрения письменной коммуникации, так и с точки зрения разговорной речи. Люди передавали пословицы и поговорки из поколения в поколение, своим детям и молодым людям посредством сказок, басен. Использование пословиц подтверждает актуальность культурных и исторических особенностей в жизни народа конкретной территории.

Задача статьи – разделить пословицы на тематические группы, проанализировать языковой материал и дать комментарий. Материал исследования дает возможность сделать вывод о семантическом сходстве и сходстве грамматической структуры славянских пословиц. Результат сравнения примеров является доказательством происхождения славянских языков от одного праславянского языка.

Отбор языкового материала осуществлялся из фразеологических и переводных словарей, из публикаций, анализирующих конкретные употребления пословиц, их культурную, социологическую, психологическую и историческую специфику. В статье приводится диаграмма, отражающая семантическое содержание пословиц.

Семантическое описание пословиц опирается на понятие «языковая картина мира». Польский лингвист Ежи Бартминьский определяет содержание данного понятия как «заключенную в языке интерпретацию действительности, которую можно представить в виде комплекса суждений о мире» [Бартминьский 2005: 88]. Пословицы начали возникать с древних времён. Человек исследовал явления, животных, природу, свое тело и всё, что его окружало. Метафорически изображал ежедневные элементы жизни. Диаграмма графически изображает количество семантических компонентов, использованных в пословицах.

Тематические группы, отражающие содержание славянских пословиц

Тематические группы

Межличностные отношения, включающие названия животных

Большая часть проанализированных пословиц данной группы полностью совпала по грамматической структуре. Человек с давних времён жил в окружении животных и наблюдал за их поведением. Люди метафорически осмысливали образ жизни животных, черты характера, в результате чего возникали аналогии, которые переносились на отношения в человеческом социуме.

Словацкий: Lepší vrabec v hrsti ako holub na streche.

Русский: Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Польский: Lepszy wróbel w garści niż gołąb na dachu.

В первом примере польский и словацкий язык полностью совпадают: используют противопоставление воробья и голубя. Русский язык работает тоже по принципу противопоставления, но применяет другие виды птиц. Смысл во всех языках одинаковый. Пословица выражает потребность умеренности в жизни.

Словацкий: Pes, ktorý breše nehryzie.

Русский: Собака, что лает, редко кусает.

Польский: Pies, który dużo szczeka, nie gryzie.

Существует много фразеологизмов, связанных с собакой. В прошлом, собака выступала в роли рабочего животного. Фразеологические единицы отражали недостаток комфорта собачьей жизни, верность человеку, позже и дружбу с человеком. Например: «Собачья жизнь», «Злой как собака», «Бешенная собака» и другие. Человек жил в близком контакте с собакой и

свои наблюдения условно заключил устойчивыми выражениями, которые позже стали пословицами и поговорками.

Словацкий: Každá líška svoj chvost chváli.

Русский: Каждый кулик своё болото хвалит.

Польский: Każda liszka swój ogon chwali.

На примерах животных, лисице и кулике, объясняется человеческое поведение. Человек обычно хвалит то, что ему знакомо то, что принадлежит ему. Возникает вопрос: почему лисица или кулик? Ответом может быть поведение животных в баснях и сказках, где лисица всегда показана, как хитрое существо. В русском пословице используется лексема «кулик», обозначающая болотную птицу. Эта птица проживает в болотистой местности и очень хорошо знает «обстоятельства» такой жизни. Она привыкает к такой жизни и довольна ею.

Словацкий: Ja o koze a ty o voze.

Русский: Ja o niebie, ty o chlebie.

Польский: Я ему про Фому, а он мне про Ерёму.

В этом примере нужно обратить внимание на языковую сторону пословиц. Словацкий язык работает с лексемами «коза» и «повозка», польский с лексемами «небо» и «хлеб», русский язык – с собственными именами, часто встречающимися в русских пословицах и поговорках, обозначающими братьев-неудачников – Фому и Ерёму. Однако в переносном смысле все пословицы с семантической точки зрения одинаковы. Это выражение используется в ситуации, когда в разговоре нет общих тем. Каждый из участников коммуникации говорит о своём.

Бог и вера

Понятия «Бог» и «вера» были важной частью жизни человека с давних времён. Человек с древних времен искал защиту в разных формах язычества. С появлением монотеистических религий (христианства, ислама, иудаизма) человек находил смысл жизни в вере: Бог воспринимался как создатель мира, судья, небесный отец, Спаситель. Отношение человека к Богу, вера в его сверхъестественность и силу, его возможность влиять на действительность, отразились во фразеологизмах. С появлением Библии, как основы

христианского учения, вошли библейские элементы во фразеологическую семью.

Словацкий: Človek mieni, ránboh mení

Русский: Человек предполагает, Бог располагает.

Польский: Człowiek myśli, Pan Bóg kreśli

Словацкий: Vožie mlunu melú pomaly, ale isto.

Русский: Мельницы Господни мелют медленно, но очень тонко.

Польский: Pan Bóg nierychliwy, ale sprawiedliwy.

Человек верил в Божью предусмотрительность и в то, что каждое плохое поведение получит ответ от Господа. В сегодняшнем мире, популярным считается все отнести к карме. Люди часто пользуются выражением: «карма всё возвращает».

Состояние человека

В данной группе анализируется состояние человека, его эмоции и чувства, например, любовь, искренность или страх, которые выражаются через наименования частей человеческого тела. Человек, исследуя свои чувства и эмоции, в смысловом отношении соотносит их с частями человеческого тела. В группе собраны примеры фразеологизмов, включающих в себя название частей тела или состояние типичное для данных органов и частей тела. Во всех языках пословицы семантически полностью совпадают. Здесь можно наблюдать семантический перенос с целого на часть – синекдоху.

Словацкий: Plné brucho — prázdna hlava.

Русский: Сытое брюхо к учению глухо.

Польский: Pełny brzuch niechętnie studiuje.

Словацкий: Čo na srdci to na jazyku.

Русский: Что на сердце то и на языке.

Польский: Co w sercu, to i na języku.

Словацкий: Na jazyku med, a v srdci jed.

Русский: На языке - мед, а на сердце – лед.

Польский: Na ustach miód, a w sercu lód.

Русский и польский языки работают с нейтральными с точки зрения экспрессии антонимами. Во фразеологизмах этих языков используется лексема «лёд», а в словацком языке – «яд». В словацком языке возникает более яркий контраст, показывающий человеческую неискренность и такую отрицательную черту, как двуличие.

Гостеприимство

Человек считает свой дом убежищем, где он чувствует себя в безопасности. В связи с этим возникли и пословицы такого характера.

Словацкий: Všade dobre, doma najlepšie.

Русский: В гостях хорошо, а дома лучше.

Польский: Wszędzie dobrze ale w domu najlepiej.

Словацкий: Môj dom, môj hrad.

Русский: Мой дом – моя крепость.

Польский: Mój dom – moja twierdza.

Взаимопомощь и поддержка

Уже с древних лет человек нуждался в обществе. Он жил в окружении своих родных и близких, давая предпочтение коллективной работе и взаимной помощи. Это можно заметить и во фразеологизмах, где говорится, что нужно быть дружными и стараться достичь общей цели, цели всей команды, а не лично своей. Также в пословицах часто говорится об упорстве и настойчивости людей. В современной мотивационной литературе часто указывают эти черты характера, которые имели своё начало в народной мудрости наших предков.

Словацкий: Jeden za všetkých všetci za jedného.

Русский: Один за всех и все за одного.

Польский: Jeden za wszystkich, wszyscy za jednego.

Словацкий: Kto nejde s nami ide proti nam.

Русский: Кто не с нами, тот против нас.

Польский: Kto nie jest z nami, jest przeciw nam.

Осторожность

У каждого человека своё восприятие мира, поэтому и возникают расхождения во мнениях. Но при этом человеку следовало бы уважать мнение другого, оставаясь при своём, как это можно заметить в первом примере.

Словацкий: Každá palica má dva konce.

Русский: У каждой палки есть два конца.

Польский: Każdy kij ma dwa końce.

Словацкий: Dva razy meraj a raz strihaj.

Русский: Семь раз отмерь, один раз отрежь.

Польский: Dziesięć raz mierz, a raz utnij.

Последняя пословица интересна тем, что в различных славянских языках используют разные количественные меры. В словацком измеряют 2 раза, в русском 7 раз, а в польском измеряют аж 10 раз перед тем, как совершить действие. С одной стороны, эта пословица указывает на то, что люди часто совершают поступки без раздумий, а с другой – то, что люди осторожны и хотят все держать под контролем.

Зло/добро, глупость и гнев

Последняя группа пословиц связана с абстрактными человеческими категориями: гнев, глупость, добро и зло. Они отражают реальность, с которой человек встречается в жизни.

Словацкий: Čo ťa nezabije, to ťa posilní.

Русский: Все, что нас не убивает, делает нас сильнее.

Польский: Co cie nie zabije, to cie wzmacni.

Словацкий: Múdru človek sa učí na cudzích chybách a hlúpi na svojich.

Русский: Глупый учится на своих ошибках, умный - на чужих.

Польский: Na błędach człowiek uczy się rozumu.

Словацкий: Hnev je zlý radca.

Русский: Гнев – плохой советчик.

Польский: Gniew zły doradca.

Таким образом, анализ польских, русских и словацких фразеологических единиц выявил общность в традициях славянских народов, которые приводят к появлению общих стереотипов, закрепленных в пословицах и поговорках. Фразеологический материал, фиксирующий народную мудрость, складывавшуюся веками, позволяет изучать культуру славян, языковую самобытность славянских народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Smiešková, Elena. 1989. malý frazeologický slovník: učebná príručka na vyučovanie slovenského jazyka a literatúry v 6.-8. ročníku základnej školy s vyučovacím jazykom slovenským. 5. vyd. bratislava: slovenské pedagogické nakladateľstvo.
2. Vaňková, Irena. 2005. co na srdci, to na jazyku: kapitoly z kognitivní lingvistiky. praha: karolinum.
3. Stěpanová, Ludmila. 2004. česká a ruská frazeologie: diachronní aspekty. olomouc: univerzita palackého.
4. Mrhačová, Eva a Mieczysław Balowski. 2009. česko-polský frazeologický slovník. ostrava: ostravská univerzita v ostravě, filozofická fakulta.
5. Stěpanová, Ludmila. 2007. rusko-český frazeologický slovník. olomouc: univerzita palackého v olomouci.
6. Raclavská, Jana. 2015. pes v jazyce a myšlení: sonda do slovanské frazeologie a idiomatiky. ostrava: ostravská univerzita v ostravě.
7. Бартминьский, Ежи. 2005. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. Москва: Индрик.
8. https://www.juls.savba.sk/attachments/pub_zbornik_peciar/peciar.pdf

Andrea Bublíková

(Univerzita Palackého
Olomouc, Česká republika)

Konceptualizace barev v lidových písních vybraných regionů jižní

Moravy

Lidová píseň patří k nejrozvinutějším žánrům folkloru a jako taková je vhodným zdrojem poznání nejrůznějších lingvistických výzkumů, neboť je, podobně jako pořekadla, přísloví, říkanky aj., nositelem zakonzervované podoby jazyka. Ustálené formule jsou totiž nástrojem typizace pohledu na svět i jeho hodnocení (Bartmiński, 2016; s. 42–43). Při srovnání slovesného rázu českých písní s písněmi ostatních slovanských národů je však zřejmé, že se česká lidová poezie vyvíjela poněkud odlišným způsobem. Je to dáno především převahou lyrického ladění písní, které ji odlišuje od svérázných epických útvarů – ruských bylin, ukrajinských dum či jihoslovanských junáckých písní, jež hluboce zasáhly do celé slovesné stavby písní těchto národů (Horák, 1946; s. 22).

Kognitivní přístup k jazyku

Hlavním záměrem této práce bylo aplikovat přístup kognitivní lingvistiky a etnolingvistiky při analýze českých lidových písní z vybraných regionů Moravského Slovácka. Kognitivní přístup k jazyku totiž na rozdíl od jiných lingvistických pojetí (např. strukturalismu) odmítá chápat jazyk jako pouhý nástroj komunikace, samostatně a nezávisle bez ohledu na další mechanismy, jež mohou pomoci vysvětlit, jak jazyk skutečně funguje, a zkoumá proto vztahy mezi jazykem a dalšími kognitivními kompetencemi (pamětí, vnímáním či kategorizací). Klíčovým pojmem je pak *jazykový obraz světa*, tedy konceptualizace skutečnosti mluvčími daného jazyka. Její význam se totiž od mechanismu percepce zásadně liší. Zaměříme-li se na barvy, význam každého výrazu pro barvu lze vědecky stanovit na základě fyzikálních vlastností světla, jeho poměrné energii či vlnové délce. Chce-li ovšem lingvista zkoumat kognitivní význam těchto slov, nejsou vědecké poznatky v takovém případě důležité, neboť nevypovídají nic o skutečném pochopení a používání daných výrazů (Wierzbicka, 2014; s. 316). Percepce je onen děj, který probíhá mezi sítnicí oka a mozkiem a který ze své podstaty zkoumá především neurologie a neuropsychologie. Naopak konceptualizací se rozumí procesy v naší mysli probíhající a formující se na

úrovni pojmů (Vaňková, 2001; s. 133). Na základě toho lze považovat za univerzum pro všechny jazyky nikoli konkrétní barevná pojmenování, ale skutečnost *vidění* a *přirovnávání* (něco vypadá jako něco), na nichž je konceptualizace a tvorba jazykového obrazu světa postavena (Wierzbicka, 2014; s. 355–356).

Důležité teoretické podklady přináší také etnolingvistika, věda zabývající se vztahem kultury a jazyka a zkoumáním těchto dvou prvků jako neoddělitelného celku. Studuje jazyk jako nástroj konceptualizace a kategorizace okolního světa a jako nositele kulturních hodnot. Tato práce využila především poznatků lublinské (J. Bartmiński) a moskevské školy (N. Tolstoj). Slovanská etnolingvistika vyrůstá z původního lidového bádání, zkoumá tradiční obraz světa, který je uložen v jazyce a kultuře, a zaměřuje se na lidovou, tedy kolektivní, společensky sdílenou konceptualizaci skutečnosti tak, jak je běžně přijímána a obecně rozšířena. V rámci tohoto pojetí je nutné brát v potaz také mentalitu samotných nositelů daného jazyka a kultury.

Analýza vybraných lidových písní

K rozboru bylo shromážděno 2729 písňových textů ze tří regionů jihovýchodní Moravy – Luhačovického Zálesí, Uherskobrodsko a Moravských Kopanic. Jde o území, která spolu bezprostředně sousedí a během staletí se tak vzájemně ovlivňovala a obohacovala. Alespoň jedno barevné pojmenování obsahovalo 1002 písní, což není ani polovina. I tento fakt má však výpovědní hodnotu. Celkem bylo zaznamenáno 1687 barevných názvů. S jistotou lze říci, že barevných metafor užívá nejčastěji milostná lyrika, především kvůli zažitým slovním spojením a obrazům.

Při srovnání lze dále sledovat následující. Na prvním místě dominuje **zelená** (491). Její prototyp je zcela jasně spojen s čerstvou *vegetací* (460), svěžestí a z ní vyplývající mladostí ale i netrpělivostí. *Zelené věnce* a *rozmarýny* na kloboucích byly symbolem panenství a svobody, jsou proto častým tématem milostných písní.

V popředí figuruje také **černá** (347), která se však roztříštila do tří odlišných pojmů s různým pořadím. Nejvíce opakujícím se pojmem celé analýzy je výlučné spojení *vraný kuň* (138), pouze jednou se objevila kolokace *vraná kobyła*. Při pojetí černé v užším významu (208) se v písních nejčastěji zpívá o *černých očích*, a to v pozitivním (krásné černé oči) i negativním smyslu – falešné

černé oči, černé oči jako trnečka (trnky jsou symbolem žalu). Bez povšimnutí nemůže zůstat také fakt, že mnohem častěji jsou popisovány oči dívčí (64) než mládenecké (31), a to především v milostných písních a v baladách či rekrutských skladbách, kde se jedná o oči uplakané a smutné z rozloučení. Černá je také prototypem *špíny* (7), rovněž půda, *zem*, bývá označována výhradně touto barvou (40). Třetím pojmem skupiny je **tmavá** (21) – například spojení černá noc se v textech nevyskytuje, vždy se zpívá o tmavých *večerech* či *nocích*, jejichž opozitem je však *bílé ráno* (nikoli světlé; nikdy se také neužívá adjektiva temný).

Na třetí pozici **červená**, v lidové písni spojována převážně se zdravím a živočišností - *červená líčka* (30) jsou nejčastější synekdochou k popisu milované osoby (často společně s černýma či modrýma očima). Tato barva je také prostředkem k vyjádření sexuálních tabu – zvadlé, utržené červené *kvítí* (60), červené *jablko* (31) jako symbol plodnosti, červený *šátek* (15) byl darem při vážné známosti aj. Červeně jsou také označovány subjekty *krásné*, nelze zde tak přehlédnout příbuznost s ruským pojmenováním krásnij – červený.

Teprve za červenou stojí co do frekvence užívání výraz pro **bílou**. Bílá jako barva nevinnosti se však nevztahuje pouze k mravní stránce osobnosti, ale i k tělesnosti a čistotě jako takové. Zvláště na Zálesí se hojně užívá spojení *hodná bílá* (8) v souvislosti s tělesnou i duševní krásou. Nejčastější kolokací je již zmíněné *bílé ráno/ bílý den* (28). Uvedené spojení koresponduje s výše uvedenou teorií Anny Wierzbické, podle níž je jedním z faktorů určujících pojmenování barev zkušenost *vidět* či *nevidět*, a vysvětluje tak, proč se období, kdy člověk začíná rozpoznávat předměty a jas barev kolem sebe, pojí právě s bílou barvou. Naopak **bledá** (36) je má vždy negativní konotace. Tato rozdílnost vynikne například při srovnání *bílá líčka* (krásná, čistá) a *bledá líčka* (nezdravá tvář).

Z lidových písní prakticky zcela zmizel pojem pro **žlutou** (8), objevuje se sporadicky ve spojení s vlasy či popisem regionální architektury. Dominantně ji však zastupuje **zlatá** (103), která odkazuje k bohatství a vzácnosti, a to jak v denotačním, tak konotačním pojetí. Zlaté jsou *předměty mocných pánů* (13), zvláště tureckých nájezdníků, *věže moravských kostelů* (9), *mince* (14) i *prstěny* jako důkazy věrnosti (15). Podobně je vnímána také **stříbrná** (16). Zvláštní zastoupení má *oslovení* milovaného člověka – *matičko zlatá, tatíčku zlatý* (10).

Náklonnost však autoři lidových písní vyjadřují také spojením *holuběnko sivá/holoubku sivý* (47). Adjektivum *sivý* (65) se v textech objevuje téměř šestkrát častěji než *šedý* (10). Přesto se však oba výrazy pojí jen s omezeným počtem subjektů – jedná se především o *ptáky* a *hospodářská zvířata*, šedá hlava vdovců je zmiňována v souvislosti se stářím (6).

Teprve až téměř na konci se objevuje **modrá** (60). Tato barva symbolizuje rozloučení, rozchod – dívky dostávají od mládenců modré *pentle* (6) „na rozchodnou,“ modré *květy* rostou na hrobech (5). Nejvíce se však modrá pojí s barvou *očí* (25), k jejichž popisu využívají lidové zpěváci výlučně jen dvě jiné barvy – černou (95) a sivou (6).

Minimální zastoupení mají pojmenování pro **hnědou** (5) a **růžovou** (3), výrazy **oranžová** a **fialová** nebyly zaznamenány vůbec (za zmínku stojí fakt, že v žádném z textů nenalezneme kolokaci *fialová fialka*, přestože k základům lidové poezie patří neoriginální, ustálené tautologie – *skleněná sklenička*, *zelená zelina* aj. Tato květina je vždy spojována s modrou, popř. červenou barvou). Hojně (138) je také užíváno sloveso *malovat* (zkrášlovat) a adjektivum *malovaný* ve smyslu krásný, pohledný, milý.

Tento výzkum je dalším potvrzením toho, že lidová píseň, nositelka zakonzervované podoby jazyka, utváří svá vyjádření zvláště pomocí metafor. Bez obrazného vyjadřování by byl repertoár výrazů pro barvy v lidových písních podstatně ochuzen. Ustálená slovní spojení a metafory jsou základem lidové poezie.

Konkrétní výrazy pro barvy se však liší regionálně či zcela individuálně podle potřeby autora. Sami sběratelé obdivovali právě spontánnost a okamžitou improvizaci lidových zpěváků. V úvodech mnohých sbírek i v obecných pojednáních je popisována těžká práce sběratelů, jimž mnohdy nebyla požadovaná píseň zazpívána stejně – jednalo se odchytky hudební i textové vycházející z momentálního myšlenkového naladění. Lidové pěvci využívali právě jednoduchosti v oné zakonzervované ustálenosti, kterou však dokázali vyzpívat vše, co měli na srdci. Tato kognitivní schopnost se projevuje právě v textech lidových písní. Nejde tedy o jednotlivé pojmy a frekvenci jejich užívání. Hlavní podstata sebevyjádření v lidových písních je založena na přirovnávání a

připodobňování, onom *něco vypadá jako něco*, které je společné nejen písním ze zkoumaných oblastí, ale téměř celému lidovému písňovému fondu.

Přestože umění metaforického vyjadřování autorů lidových písní nelze popřít, je nutné uznat, že mnohá barevná pojmenování nemají logického významu a jsou zřejmě volena jen z potřeby udržet rýmovou strukturu či z pouhého rozmaru lidového zpěváka.

Ukázalo se, že je vyjádření skrze lidovou tvorbu vázáno specifickými pravidly, která se od zvyklostí současné češtiny liší. Především se jedná o rezignaci na originalitu a stále opakující se motivy napomáhající k identifikaci s ideálními vzory. Nejde však o důsledek chudé dobové slovní zásoby. Je také možné povšimnout si pevné sounáležitosti a kolektivnosti, jíž se autoři lidových písní podrobovali a která utvářela myšlenkový svět interpretů, neboť je potřeba mít na paměti, že lidové písně vznikaly spontánně během volných improvizací. To se projevuje také v částečně odlišném pojetí barevných prototypů vyskytujících se v textech. Ty stejně jako prototypy současné češtiny vycházejí z antropocentrismu a lidské tělesnosti, mnohem větší důraz je však kladen na spojení s přírodou a jejími cykly.

Těchto poznatku by skrze strukturální pojetí jazyka nebylo možné dosáhnout. I přes teoretickou rozrůzněnost se tak potvrzuje nosnost kognitivního přístupu k jazyku, který odhaluje jistý „svět za slovy.“

POUŽITÁ LITERATURA

BARTMIŇSKI, J.: Jazyk v kontextu kultury: dvanáct statí z lublinské kognitivní etnolingvistiky. Praha: Univerzita Karlova v Praze, nakladatelství Karolinum, 2016. ISBN 978-80-246-2883-7.

HORÁK, J.: *Naše lidová píseň*. Praha: Jos. R. Vilímek, 1946, 156 s.

TOLSTOJ, N. I.: *Magie slova a textu: moskevská etnolingvistická škola*. Praha: Karolinum, 2016. ISBN 978-80-246-2880-6.

VAŇKOVÁ I.: Vidět barvy. *Souvislosti*, 2001, 47, č. 1, s. 131-143. ISSN 0862-6928.

WIERZBICKA, A.: *Sémantika: elementární a univerzální sémantické jednotky*. Praha: Karolinum, 2014. Lingvistika. ISBN 978-80-246-2289-7.

Наталья Войшко

(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Москва, Россия)

Появление и особенности чешских сказок на примере сказки «Златовласка»

XIX век ознаменовался подъемом чешской культуры и самосознания. Этот период полностью изменил положение чешского языка. Начинается эпоха национального Возрождения, в основе которой лежали конечно язык и культура. В эти годы создаются различные научные и культурные общества, в 1830-31 гг. организована «Maticе česká», собирается и издается фольклор, памятники письменности, и т.п.

Этому способствовала промышленная революция, шло бурное экономическое развитие чешских земель, превратившее Богемию в один из важнейших экономических регионов империи Габсбургов. В 1825 году была открыта первая железная дорога České Budějovice – Linz. Это повлекло приток населения в города. Возникла чешская буржуазия (средний класс), начинается рост национального самосознания и объединение чехов. [Мельников 2005: 423 – 467]

В этой среде возникает интерес к прошлому чешского народа: народным песням, сказкам, которые имеют фольклорную основу. Одну такую сказку мы рассмотрим. Это сказка «Златовласка», впервые изданная в 1865 г., написанная Эрбеном Карлом Яромиром - это известный чешский поэт и историк (1811—1870). За свою жизнь этот великий человек пережил ряд событий, которые могли повлиять на его влечение к фольклорным мотивам и к написанию сказок.

История сказки повествует о одной дальней стране, в которой правит жестокий и жадный король и о его слуге Иржике, оказавшимся смекалистым юношей, случайно попробовавшим заколдованное блюдо и научившимся понимать язык животных. [Erben 2015: 61-76]

Иржик отправляется на поиски волшебной девы по имени Златовласка, невесты для короля. В пути ему помогают и животные, и люди, а красавица, оценив его смелость и ум, влюбилась в молодого человека. В основе сюжета

лежит идея о приключении умного и смелого юноши из народа, отправившегося на поиски возлюбленной.

Эта сказка яркий пример развития национального самосознания, интереса к своей истории, культуре и, конечно же, к народному фольклору. Подобные сюжеты мы можем найти и в русской фольклорной традиции, которой занимался Владимир Яковлевич Пропп в работе: «Морфология «волшебной» сказки». В «Златовласке» можно найти множество «постоянных и переменных величин» волшебной сказки.

Но на мой взгляд, в этой сказке есть элемент, который в красках показывал убеждения чехов XIX века, это провозглашение народом Иржика, как короля, указывает на то, что они хотели в этом показать национальную отличительную черту, Иржи стал королем, выходцем из простого народа, и этот мотив есть в истории Чехии. Первый чешский летописец Козьма Пражский, писавший в начале XII века, почерпнул свои скудные сведения об основании Чешского государства из народных преданий. По его свидетельствам, первым князем чехов был Крок. Дочь и наследница его, Либуше, вышла замуж за Пржемысла, простого пахаря, эти действия происходили во второй половине VIII века, что снова показывает то, что чехи предприняли попытку через сказки показать свою глубокую и красочную историю. [Мельников 1994]

Чехия насчитывает множество ярких событий в своей культуре и истории. Дальнейшую жизнь и развитие мотив сказки «Златовласка» получит в XX веке, когда будет заимствован кинематографом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мельников 1994 – *Мельников Г.П.* История культуры славянских народов. М. 1994.
2. Мельников 2005 – История культур славянских народов. В 3-х тт. Т. II: От барокко к модерну. / Отв. ред. Г.П. Мельников. М.: ГАСК, 2005.
3. Пропп В. Я. Морфология "волшебной" сказки. Ленинград: Издательство «АКАДЕМИА», 1928. 151 с.
4. История Чехии. [Электронный носитель] – Режим доступа: <http://refy.ru/37/167325-istoriya-chehii.html>

5. Encyklopedie Česko: Historie České republiky. [Электронный носитель] – Режим доступа: <http://www.czinfo.org/historie>

6. Erben 2015 – *Erben K. J. Zlatovláska a jiné české pohádky*. Praha: EUROMEDIA Group k.s., 2015.

Маргарита Дробот

*(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Москва, Россия)*

Языковые особенности поэтизма, как уникального направления чешской литературы 20-го века (на примере творчества В.Незвала)

Данная работа посвящена изучению специфических особенностей поэтизма. Мотивом для исследования стала попытка осмыслить литературные и языковые закономерности развития нового поэтического языка. В результате анализа были сделаны выводы о связи лексических методов воплощения в сюрреализме и поэтизме, развитии подачи содержания и формы в литературе на основе творческого «подхода сознания», а также представлены размышления о сложном восприятии действительности чешского поэта Витезслава Незвала, зарождении нового эмоционально-художественного мира.

Материалом для анализа послужили стихотворения раннего и позднего В.Незвала, поэтический сборник «Пантомима» 1924 г., а также пражский «Революционный сборник Девятисил» 1922 г. Анализ показал, что характер незваловских ассоциаций красноречив, стихиен, зачастую меланхоличен. Они раскрывают его гуманизм и чисто поэтический культ всех земных благ. Они демонстрируют конкретность его представлений, а также верность «визуальным», предметным образам. Поэт широко использует принцип перечисления, введения в стих натуралистических штрихов и деталей. Обращение ко снам и воплощение их мотивов в своих произведениях объясняют интимную лиричность на фоне напряженных ассоциативных связей:

«Я сплю не замечая свой маленький будильник

Священник третий раз повторяет незнакомые дни и часы

Врач выгребает больную туберкулезом из прошлогодней
статистики

А солдат думает эту неделю я еще выдержу
А потом будут трудности с поисками места»

Пер. Шерлаимовой С.А.

Увлеченность эстетическими поисками соответствует жадному интересу Незвала к жизни. Закономерности современного искусства последовательно выводятся им из своеобразия эпохи, меняющей облик художника и эстетические потребности общества. При этом Незвал протестует против логики и идеи в стихотворении, в чем проявляется влияние раннее возникшего сюрреализма. Таким образом он по-своему раскрывает образ «искусство – игра», возникший в программах поэтизма. Он означает у словотворца законченность и совершенство формы, внешнюю легкость, радость искусства, необходимость тщательных поисков художественной выразительности. Способы художественного воплощения быстрой, непосредственной реакции на действительность, вовлечения в поэзию конкретно-чувственных впечатлений, раскрывающих зависимость формы и содержания, также раскрываются во влиятельных манифестах сюрреалиста А.Бретона и в более поздней работе основателя авангардной группы «Девятисил» К. Тейге.

Проведенное исследование показало, что поэтизм является исходно чешским направлением в отличие от сюрреализма, пришедшего в Чехию из Франции. Анализ творчества В.Незвала дал ключ к внутреннему миру поэта, закономерностям ассоциаций, зачастую вызванных спектром красок из цветоведения или снами. Необходимо отметить, что поэтические сборники рассмотренных авангардистов сейчас издаются в новых редакциях, а принципы поэтизма для себя открыло молодое поколение после Второй мировой войны, так называемое движение «малых театров». Это доказывает живую преемственность эстетических и художественных позиций в искусстве вообще, а также его прямую связь с уровнем развития в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шерлаимова С.А.: «Витезслав Незвал», Москва, 1968 г.

2. Будагова Л.Н.: Витезслав Незвал. Жизнь и творчество: Автореферат диссертации, Москва, 1966 г.
3. Витезслав Незвал: Избранное. В 2-х томах: Перевод с чеш. Т.1: Стихи; Поэмы; Пьесы, Москва, 1988 г.
4. Витезслав Незвал: сб. «Пантомима. 1919-1926», Прага, 1957 г.
5. «О литературном авангарде», Братислава, 1966 г.
6. «Поэтизм», Прага, 1967 г.
7. Матузова Н.М.: Социалистический реализм и художественное развитие человечества», Москва, 1966 г.
8. Витезслав Незвал: Избранное. В 2-х томах: Перевод с чеш. Т.2: Воспоминания; Очерки; Эссе, Москва, 1988 г.
9. Nezval, Vítězslav: Manifesty, eseje a kritické projevy z poetismu, Praha, 1967 г.
10. Nezval, Vítězslav: Korespondence Vítězslava Nezvala: Depeše z konce tisíciletí, Praha, 1981 г.
11. Teige, Karel: Vybor z dila 1: Svet stavby a basne: Studie z dvacatysh let, Praha, 1966 г.
12. Revoluční sborník Devětsil, Praha, 1922 г.

Дарья Михайлова

*(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Москва, Россия)*

**Графический знак как единица текстового смысла: специфика
эпистолярная М. И. Цветаевой чешского периода (из переписки с
Б. Л. Пастернаком 1922-1925 гг.)**

Чехословацкая республика – одна из стран, которая принимала русских эмигрантов после Октябрьской революции 1917 года. Именно с этой страной связаны приятные воспоминания великой русской поэтессы Серебряного века, прозаика и переводчицы – Марины Ивановны Цветаевой. Йиловиште (или как его называли русские, Йиловище), Новы Двур, Дольни и Горни Мокропсы, Вшеноры и, конечно же, Прага – такой была Чехия Цветаевой.

Чешский (пражский) период (август 1922 – октябрь 1925) представляет важный отрезок жизненного пути поэта. В течение трех лет и трех месяцев Цветаева находилась в среде, в которой смогла реализовалась как творец. Более того, она всей душой полюбила Чехию, Прагу и ее пригороды.

Все эти сведения отражены в различных письмах, которые поэтесса писала своим близким и знакомым. Эпистолярный Марины Ивановны представляет особый интерес для лингвистических исследований. В данной работе будет рассмотрена роль графических знаков в переписке М. И. Цветаевой и Б. Л. Пастернака с 1922 по 1925 гг.

С 1919 года благодаря политике первого президента Чехословакии Томаша Масарика была создана так называемая программа «Русская акция», оказавшая огромную поддержку беженцам, также существовал Земгор (1921), Чешско-русское объединение (Еднота).

Во второй половине 1922 года беженцы начали получать пособие, размер которого определялся исходя из состояния здоровья студента, членов его семьи и т. д. Тем, кто жил в общежитии, давали 350 крон в месяц (10-14 долларов США по тому курсу), тем, кто снимал квартиру, 480 крон. Именно эта стипендия позволила Марине Цветаевой воссоединиться с мужем Сергеем Эфроном, который в то время учился на философском факультете Карлова университета.

Проживание в Праге на столь скромную стипендию не было возможным для семьи Эфрон, и поэтому они отправляются в Среднечешский край. С 4 августа до конца сентября 1922 они снимают дом в Горних Мокропсах, потом переезжают в Дольни Мокропсы, но навсегда в душе Цветаевой остались Вшеноры.

Хотя и близлежащие поселения подходили для небогатой семьи Эфрон, Марине Ивановне удалось пожить некоторое время в Праге, в доме недалеко от Смихова и горы Петршин, на улице Шведска 1373/51, Прага 5. Здесь семья проживала с конца сентября 1923 до мая 1924. После Праги Эфроны вернулись в деревню Йиловиште, а потом в любимые Цветаевой Вшеноры.

Безусловно, чешский (пражский) период повлиял на дальнейшую жизнь и творчество поэта. Именно в Чехословакии Марина Ивановна познакомилась с Анной Тесковой, Марком Слонимом, Константином Родзевичем и др.

Переживания поэта, ее мировоззрение отразились в многочисленных письмах, которые она отправляла своим близким. Одним из таких был Б. Л. Пастернак, переписка с которым началась в эмиграции, в Берлине.

С Пастернаком Цветаева познакомилась еще в Москве. Они встречались несколько раз, но не замечали друг друга. Вдогонку за уехавшей Цветаевой Пастернак писал: «Сейчас я с дрожью в голосе стал читать брату Ваше – «Знаю, умру на заре...» ... дорогой, золотой несравненный мой поэт (...). Как могло случиться, что слушав и слышав Вас неоднократно, я оплошал и разминулся с Вашей верстовой Суинберниадой...». Это было начало необыкновенной дружбы, проникнутой любовью и взаимопониманием.

Переписка поэтов была наполнена особыми переживаниями, глубокими чувствами, которые нашли свое воплощение в том числе в графических единицах.

Специфика эпистолярного текста проявляется в свойственных ему коммуникативных универсалиях. По Н. С. Болотновой, коммуникативными универсалиями считаются закономерности организации текста (законы и реализующие их принципы), обусловленные его природой. Для эпистолярного можно выделить следующие универсалии: закон соответствия текстовой информации требованию «эпистолярного биннома» (интерактивные отношения адресат-адресант), закон соответствия структурного построения текста эпистолярному композиционному канону (наличие приветствия, установка на будущие контакты, пожелание, подпись), закон соответствия стилевой разновидности эпистолярного произведения его жанровому канону (непринужденность диалога, спонтанность эпистолярной речи), закон соответствия текстовых единиц реализации авторского замысла перечню эпистолярных инвариантных средств. Последний закон представляет интерес в данной работе.

В связи с тем, что эпистолярное общение не подразумевает визуального контакта между собеседниками, то есть появляется некоторое затруднение эмоционального компонента, «нагрузка» приходится на эпистолярное слово и неречевые знаки. В этом случае можно говорить о семиотически осложненном, составном, поликодовом, креолизованном тексте. В таком тексте велика значимость речевых средств авторской интенции и графических элементов.

Графика (через нем. graphik из лат. graphica, греч. γραφική – «искусство рисования, письма и черчения») – часть науки о письме, изучающая начертания букв и соотношения между буквами и звуками. Абстрактная единица в текстах называется графемой, которая реализуется в своих вариантах – аллографемах. Ю. С. Маслов различает графемы стилистические (печатные и соответствующие рукописные буквы), факультативные (русские рукописные), позиционные (греческая «сигма» в форме <т в начале и в середине слова и в форме g на конце слова), комбинативные (например, в арабском письме, где многие буквы имеют до 4 вариантов в зависимости от их позиции в слове).

Однако неоднозначным является соотношение понятий «буква» - «графема» – «фонема». Например, Л. В. Щерба и Б. И. Осипов уравнивают понятия буквы и графемы, Т. М. Николаева и В. Ф. Иванова полагают, что графема включает в себя только четыре варианта буквы: две строчные (печатная и рукописная) и две заглавные (печатная и рукописная). Ю. С. Маслов утверждает, что графема включает в себя все графические знаки: буквы, знаки препинания, пробел и др. В. М. Солнцев считает букву вариантом, реализацией графемы, а графему – инвариантом. Т. М. Николаева относит к графеме совокупность различных вариантов букв, включающих в себя заглавную печатную, строчную печатную, заглавную рукописную, строчную рукописную.

В докладе под графическим знаком понимается особый тип невербального знака, имеющий прикладное значение. К графическому знаку в данной работе относятся способы начертания слов, знаки препинания, расположение строк, прописные/строчные буквы, печатные/рукописные буквы. Именно эти компоненты представляют интерес в переписке М. И. Цветаевой и Б. Л. Пастернака 1922-1925 гг. как один из способов выражения авторской интенции.

Графические знаки в эпистолярных текстах поэтессы являются многофункциональными: помимо основных функций, имеют и дополнительные, отражая глубинные смыслы текста. Среди дополнительных функций можно выделить следующие: экспрессивная, функция организации высказывания, выражение незавершенности мысли, имитация диалога, акцент на значимых словах в тексте, способ подобрать более лаконичную фразу,

выделение вставных конструкций. Остановимся на каждой из функций подробнее.

Функция выражения эмоционального состояния, или экспрессивная функция. Эмоциональный компонент в изученных текстах отражают восклицательный и вопросительный знаки, многоточие. (1) *Зимой 1919 г. Встреча на Моховой. Вы несли продавать Соловьева (?) – «потому что в доме совсем нет хлеба». – «А сколько у Вас выходит хлеба в день?» – «5 фунтов». – «А у меня 3. – Пишите?» – «Да (или нет, неважно)». – «Прощайте». – «Прощайте».* (2) *Я не люблю встреч в жизни: сшибаются лбом. Две стены. Так не проникнешь. Встреча должна быть аркой: тогда встреча – над. – Закинутые лбы!* (3) *Не живя с <Вами>, я всю жизнь буду жить не с теми, но мне не важно с кем: кем. Живя <Вами>, я всю жизнь буду жить ТЕМ!* (4) *Борис, а нам с тобой не жить. Не потому, что ты — не потому, что я (любим, жалею, связаны), а потому что и ты и я из жизни — как из жил! Мы только (!) встретимся.* (5) *Борис! Я бы хотела еще раз родиться, чтобы все! сказать* В приведенных примерах восклицательные и вопросительные знаки выражают особенное эмоциональное отношение автора к собеседнику (употребление восклицаний после обращения к адресату - 5), к описываемым событиям (примеры 1, 3). Часто знаки комбинируются друг с другом, что усиливает эффект воздействия на адресата. Одной из функций вопросительных, восклицательных знаков и многоточия является акцентирование значимых слов в тексте (примеры 4, 5). Также в примере 4 восклицательный знак, заключенный в скобки, выполняет особую, психоэмоциональную функцию.

Функция организации высказывания. В письмах поэтессы тире используется как способ структурировать текст. Отвечая на вопрос, заданный собеседником в письме, М. И. Цветаева ставит тире в начале фразы, подобно оформлению диалога. Создается ощущение дистанционной беседы адресата и адресанта. (1) — *Почему каждые Ваши стихи звучат, как последние? «После этого он больше не писал».* (2) — *Смеюсь, это никогда не перейдет в ненависть. Только трудно, трудно и трудно мне будет встретиться с Вами в живых, при моем безукоризненном голосе, столь рыцарскиревнивом к моему всяческому достоинству.* (3) — *Устала. — И лист кончается. — Стихи пришлю, только не сейчас.* (4) — *Наши письма*

опять разминулись, открытка была в ответ на первое. Я тогда не поняла «До скорого свидания», — теперь ясно, но поздно. (5) — Оставьте адрес. — В примерах 1, 3, 5 тире является «связкой» с основным текстом, как бы вплетает дополнительные замечания в текст.

Выражение незавершенности мысли автора. Знаки препинания, как правило, многоточие и тире, являются индикаторами незавершенности предложения, фразы. Эпистолярные тексты М. И. Цветаевой изобилуют тире и многоточиями в конце предложений. Создается ощущение, что автор постоянно думает, его мысли накладываются друг на друга. Отсюда частые неологизмы и незавершенные фразы. (1) *И гроб: белый, без венков. И – уже вблизи – успокаивающая арка Девичьего монастыря: благодать.*

И Вы... «Я не с ними, это ошибка, знаете: отдаете стихи в какие-то сборники...» Теперь самое главное: стоим у могилы. Руки на рукаве уже нет. (2) Вашего письма я сначала не поняла: и радость и сон затмевали, - ни слова! (Кстати, для меня слово – передача голоса, отнюдь не мысли, умысла!) Но голос слышала, потом рассвели (рассвет) слова, связь. – Я все поняла. – (3) Я не люблю встреч в жизни: шибаются лбом. Две стены. Так не проникнешь. Встреча должна быть аркой: тогда встреча – над. – Закинутые лбы! – (4) Не скрою, что рада была посидеть с Вами где-нибудь в Богом забытом (вспомянута) захудалом кафе, в дождь. – локоть и лоб. – рада была бы увидеть Маяковского. Он, очевидно, ведет себя ужасно, - и я была бы в труднейшем положении в Берлине. - Может быть, и буду. – (5) Посвятить мимо его кошачьего замшевого носа «Ремесло» другому, да еще полубогу (каковым Вас, скромно и во всеуслышание, считаю) - у меня сердце сжималось! «Слабость на-аша... Глупость на-аша»... (Песенка. Вспомните напев!)(6) Предположим, Вы ставите вопрос, сгоряча — перв<ым> движ<ением> — нет, потом — глубже: да, потом еще глубже: нет, глубже глубокого: да... (Не четыре ступени — сорок!) И, конечно: да. (7) На Ваше письмо (как я ему обрадовалась!) так долго не отвечала, п.ч. кончала большую статью о Брюсове — листа 4 конечно, не статью: записи встреч и домыслы. Не человека, не поэта, — фигуру Брюсова. Называется «герой труда». Последние слова, дающие всё написанное: И не успокоится мое _ _ _ (8) Я уезж<ала> за границу — ты думаешь, мне не захотелось сейчас, в 6 часов

утра, на улице, без свидетелей, кинуться этому огромному человеку на грудь и проститься с Россией? Не кинулась, п.ч. знала, что Лиля Брик и не знаю что еще... В примерах встречается нетрадиционная постановка знаков препинания: имеют место три или два тире в конце предложения (пример 7). Многоточие или тире также задает ритм фразе (пример 5).

Акцентирование значимых слов в тексте. Акцент М. И. Цветаева создает, используя другой шрифт (печатный шрифт в рукописях), прописные буквы, деление слов дефисом на части, выделяя слова двумя или тремя чертами. Такие приемы служат попыткой мысленно воспроизвести устную речь, создать атмосферу непосредственного соучастия автора и адресата. (1) *И они еще были хуже других, ибо **зная** что им стихи стоят (месяцы и месяцы воздержания! Месяцы и месяцы жильничества! — Не-бы-ти-я), требовали за них с окружающих ненормальной платы: кадил, коленопрекл<онения>, памятников заживо.* (2) *Внешне — мне всё слишком много: и от другого и — особенно! — от себя. Мое горе с Вами в том (уже горе!), что слово для меня **ВПЛОТЬ** — чувство: наивнутреннейшее.* (3) *Не живя с <Вами>, я всю жизнь буду жить не с теми, но мне не важно с кем: кем. Живя <Вами>, я всю жизнь буду жить **ТЕМ!*** (4) *Моя жизнь — черновик, перед которым — посмотрел бы! — мои <подчеркнуто трижды> черновики — белейшая скатерть.* (5) *Презираю себя за то, что по первому зову (1001 в день!) быта (№! быт — твоя задолженность другим) — срываюсь с тетрадки, и **НИКОГДА** — обратно.* Интерес представляет пример 1, где разными графическими способами выделены наиболее значимые отрезки текста, создается особое эмоциональное напряжение засчёт синтаксического параллелизма, усиленного восклицательными знаками.

Попытка подбора более лаконичной фразы. В эпистолярной М. И. Цветаевой часто встречаются косые черты и тире, которые отделяют равные отрезки текста. Создается ощущение, что автор продолжает думать в момент написания письма, попутно подбирая более удачную фразу. Известно, что поэтесса писала «черновики» и «беловики» наиболее значимых для нее писем к Б. Л. Пастернаку, один экземпляр оставляла в своей тетради. Поэтому есть возможность посмотреть на вариации одного и того же письма. Обоим текстам присущи поиски подходящих конструкций, некая неуверенность в

написанных строках. Например, в письме от 19 ноября 1922 г. М. И. Цветаева пишет: *«Вы – слушайте внимательно – как сон, в который возвращаешься (возвр<атные>, повт<орные> сны) – а где сон был, пока тебя не было. / Не сон: действующее лицо сна»*. В тексте встречаются несколько графических элементов: печатный шрифт (в рукописи), акцентирующий внимание на частице *не*, и косая черта. Косая черта здесь служит уточнением предыдущего предложения, его дополнением. Другой вариант письма от 19 ноября 1922 г.: *«Ваше письмо я получила нынче в $6\frac{1}{2}$ час<ов> утра, и вот в какой сон Вы попали»*. Очевидно, таких же вариаций, как и в предыдущем тексте, с лексемой «сон» нет, но есть вариации на другую тему: *«А с Вами – удивительная вещь: я не мыслю себе Вашего дня. (А сколько Вы их прожили – и каждый жили, час за часом!) Вы у меня в жизни не умещаетесь, очевидно – простите за смелость! – не в ней /Вы в ней не /не Вы в ней живете, Вас нужно искать, следить где-то еще»*. В данном примере графические знаки выделяют важные для адресанта мысли и служат для разграничения отдельных конструкций.

Выделение вставных конструкций. Вставные конструкции присущи идиостилю М. И. Цветаевой. Для отделения вставок от основного текста поэт использует тире, круглые скобки, запятые, квадратные скобки. (1) *И не потому, что Вы – поэт и «ирреальны», - и Белый поэт, и Белый «ирреален», - нет: не перекликается ли это с тем, что вы пишете о дельтах, о прерывности Вашего бытия.* (2) *Он, очевидно, ведет себя ужасно, - и я была бы в труднейшем положении в Берлине. – Может быть, и буду. – (3) Но покамест там мрак и печаль и мала надежда, что Женя поможет мне, что она произведет усилие и улыбнется наконец: сперва природе, потом себе и затем мне, и мы сдержимся (как я этого хочу!), и она увидит...*

Итак, графические знаки в эпистолярных текстах М. И. Цветаевой чешского периода являются многофункциональными. Это обусловлено коммуникативными универсалиями, присущими эпистолярию: ввиду отсутствия непосредственного контакта, адресант делает акцент на эпистолярное слово и на графические элементы. Несмотря на значимость графем в текстах, в науке о языке нет определенной точки зрения на

соотношение понятий «буква» – «графема» – «фонема». Чешский период в жизни и творчестве М. И. Цветаевой является своеобразным рубежом: поэт недавно уехала из страны, заново обрела мужа, пыталась адаптироваться в новой и еще молодой Чехословацкой республике. И возможно, именно это ощущение перемен, наступления новой жизни дало возможность Марине Ивановне реализоваться как художнику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коркина Е. Б., Шевеленко И. Д. Марина Цветаева. Борис Пастернак. Души начинают видеть. Письма 1922-1936 годов. М.: Вагриус, 2004.
2. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Издательство Школы культурной политики, 1994.
3. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Спб.: Искусство – СПб, 1988. С. 14 – 285.
4. Курьянович А. В. Эпистолярная картина мира: к вопросу определения понятия // Т., Вестник Томского государственного педагогического университета. №2 (143), 2014. С. 16 – 19.
5. Курьянович А. В. Прагматика графического образа эпистолярного текста (на примере писем представителей русской творческой интеллигенции первой половины XX века // Т., Вестник Томского государственного педагогического университета. № 1 (116), 2012. С. 223 – 227.
6. Курьянович А. В. Современный эпистолярный дискурс: взгляд сквозь призму законов текстовой коммуникации // Н., Сибирский филологический журнал. №3, 2011. С. 204 – 213.
7. Сулейманова М. А. Эпистолярные тексты М. Цветаевой – проявление лингвистической креативности элитарной языковой личности // И., Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 86, 2008. С. 248 – 253.
8. Маслов Ю. С. Введение в языкознание: учеб. для филол. спец. вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., Высшая школа, 1987.
9. Головин Б. Н. Введение в языкознание. Изд. 3-е, исправл.. М., Высшая школа, 1977.
10. Болотнова Н. С. Коммуникативные универсалии // Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Т., 2008. С. 62 – 63.

11. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.

12. Саакянц А. А. Твой миг, твой день, твой век: жизнь Марины Цветаевой (Избранницы судьбы). М.: Терра: Книжный клуб Книговек. 2016.

13. Ванечкова Г. Летопись бытия и быта: Марина Цветаева в Чехии, 1922-1925 // Нац. б-ка Чешской Респ., Славянская б-ка, Дом-музей Марины Цветаевой. Прага: Нац. б-ка Чешской Респ.; Москва: Дом-музей М. Цветаевой, 2006.

СЕКЦИЯ «ЮЖНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ»

Мария Минц

*(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Москва, Россия)*

Мистические образы в искусстве русского модерна

Русская живопись в эпоху модерна становится обособленной от общеевропейских тенденций стиля и подвергается большому влиянию символизма и национальной культуры. Художники этого направления, определенным образом тяготевшие к ретроспективизму, старались противопоставить свое творчество устоявшемуся академизму [Борисова, Стернин 1990]. Поскольку существовала необходимость искать иные пути достижения выразительности, помимо кардинально новых колористических и светотеневых решений, авторы искали и новые художественные образы. В рамках ретроспективных направлений, художники эпохи модерна нередко обращались к народному художественному творчеству и мифологии [Кириченко 1997].

Одним из наиболее ярких представителей этого жанра является Виктор Михайлович Васнецов. В его работах воссозданы образы персонажей сказок и русского фольклора в новой, сопоставимой с веяниями эпохи, интерпретации. Ранее подобные изображения можно было встретить лишь в произведениях русского лубка, которые служили только иллюстрациями к тексту, в то время как в картинах Васнецова персонажи становились ключевыми фигурами, наделенными глубокими, почти театрализованными, эмоциональностью и лиризмом. Примером тому служат полотна: «Аленушка», «Иван-царевич на Сером Волке», «Несмеяна-царевна». В творчестве художника также присутствуют образы, связанные со славянской мифологией, которые заключают в себе символы языческих верований, однако в данном контексте мифологизм тесно связан именно с чувственным восприятием сюжетов.

С мистическими концепциями иного плана работал Николай Константинович Рерих. Это было связано с его увлечением спиритическими практиками и восточными религиями, а также с долгими путешествиями на Восток [Бурлюк 1930]. Большую роль в его картинах играет окружающая

среда – она мистична и порой нереальна сама по себе; это выражается путем необычных колористических решений – художник разрабатывал специальные методы для установления психологического воздействия цвета или сочетаний цветов на человека. Именно поэтому, персонажи появляются нечасто и не обособленно («Дордже дерзнувший», «Сжигание тьмы»).

Стремление художников-модернистов отойти от устоявшегося академизма также выражается в творчестве Михаила Александровича Врубеля. В его работах присутствует декоративность, абстрактность, он изображал фольклорные образы («Пан», «Царевна-лебедь»). На протяжении всего творческого пути художник прибегал к мистическому и волнующему его образу Демона, который являлся не только иллюстрацией к одноименной поэме М.Ю.Лермонтова, но и плодом воображения самого художника [Дмитриева 1984].

Подводя итог можно сказать, что мистические образы в искусстве русского модерна играют значительную роль, поскольку воплощают эстетические принципы как самого стиля, так и современной ему культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенуа А. Н. История русской живописи в XIX веке. 3-е изд. М.: Республика, 1999. 448 с.
  2. Борисова, Стернин 1990 – *Борисова Е. А., Стернин Г. Ю.* Русский модерн. Альбом М.Советский художник., 1990.
  3. Бурлюк 1930 – *Бурлюк Д. Д.* Рерих: черты его жизни и творчества (1918—1930). — Нью-Йорк: Изд-во М. Н. Бурлюк, 1930. — 31 с.
  4. Дмитриева 1984 – *Дмитриева Н. А.* Михаил Врубель. Жизнь и творчество. — М.: Дет. лит., 1984. — 143 с.
  5. Кириченко 1997 – *Кириченко Е. И.* Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII — начала XX века. — М.: Галарт, 1997. — 431 с.
  6. Моргунов Н. С., Моргунова-Рудницкая Н. Д. Виктор Михайлович Васнецов: Жизнь и творчество. — М.: Искусство, 1961 (1962). — 460 с.
-

Евгения Филягина

(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Москва, Россия)

Метафора в современной песенной культуре Сербии (на примере творчества Светланы Ражнатович и Здравко Чолича)

Метафора является важной составляющей любого художественного текста. Попадая в определенный контекст, слово расширяет границы своего первичного значения, обретает новые семы. Происходит уподобление одних явлений другим на основе семантической близости их свойств [Глазунова 2002: 177]. За счёт этого авторский текст наполняется скрытыми, неочевидными смыслами и обретает образность.

Вопрос изучения метафоры открыт, следовательно существует несколько ее классификаций. Для исследования явления метафоричности в современной песенной культуре Сербии использована следующая классификация:

1. номинативная метафора;
2. образная метафора;
3. когнитивная метафора;
4. генерализирующая метафора [Арутюнова 1998: 366].

Анализ текстов песен Светланы Ражнатович (Сеса) и Здравко Чолича (Zdravko Čolić) показывает наиболее частое употребление когнитивной метафоры, вследствие чего расширяется область предикатного значения некоторых предметов и явлений. Например, в песне Здравко Чолича “Jastreb” использована метафора “kad se sruši mrak” (когда разрушится тьма), в которой глагол “srušiti se” (разрушиться) теряет свое первоначальное прямое значение: развалиться, сломаться. В контексте метафоры “kad se sruši mrak” глагол «разрушится» приобретает более абстрактное значение, его можно толковать как «рассеется», «исчезнет». В этой же песне можно выделить когнитивную метафору “mogu da izgorim” (могу сгореть). Прямое значение слова «сгореть» – поддаваться действию огня. Глагол “izgoreti” (сгореть) приобретает образность лишь во взаимосвязи с фрагментом: Mogu da te volim/ Mogu da izgorim (Могу тебя любить/ Могу сгореть). Метафора “mogu

da izgorim” – это отражатель эмоций, который основан на аналогии с прямым значением слова «сгореть». В песнях Светланы Ражнатович также можно выявить метафоры данного типа. В песне “Kuda idu ostavljene devojke” (Куда уходят брошенные девушки) метафора “kišnih drumova” (дождливых дорог) возможно, выведена из сравнения: слезы льются подобно тому, как идет дождь.

В текстах песен выбранных исполнителей немаловажное значение отводится образной метафоре, индивидуализирующей объект описания. В тексте песни “Jastreb” Здравко Чолич использует метафоры “ja sam jastreb sa planina” (я ястреб из гор) и “kao jagnje koje drhti” (как ягненок, который дрожит). Словами “jastreb” и “jagne” автор называет своего лирического героя, тем самым характеризует его признаками, свойственными ястребу и ягненку, а именно: сила и воля в первом случае, слабость и робость во втором случае. В творчестве Светланы Ражнатович подобный пример был найден в песне “Pile” (цыпленок) в следующем контексте: A moje srce je pile pokislo, zuto i malo (а мое сердце – промокший цыпленок, желтый и маленький). Автор приписывает лирическому герою беспомощность и хрупкость, характерные цыпленку.

Часто используется и генерализирующая метафора, приводящая к абстракции. Например, в песне Светланы Ражнатович “Lepi grome moj” (Мой красивый гром) использована метафора “Bio si moja nevinost i greh, moja trema” (Ты был моей невинностью и грехом, моим испугом).

Номинативной метафоры в анализируемых текстах не было найдено.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современной песенной культуре Сербии метафора занимает значительное место. Она создает чувственные образы, передает эмоциональное состояние автора и выражает то, что нельзя описать прямыми номинациями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова 1998 – Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. – 366 с.
2. Глазунова 2002 – Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. СПб.: Филологический факультет // Государственный университет, 2002. – 192 с.

Ангелина Дегтярева

(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Москва, Россия)

Прецедентные отсылки в переводе «Рассказа о слоне визиря» Иво Андрича

Михаил Михайлович Бахтин утверждал, что любое понимание строится на соотнесении конкретного текста с другими произведениями [Бахтин 1972: 116]. Каждый новый текст, так или иначе, связан с предшествующими ему. Один из аспектов подобного взаимодействия состоит в отражении знакомых текстов или их фрагментов в новых произведениях. С этим явлением связан термин прецедентность. Данная статья посвящена анализу прецедентных отсылок в переводе «Рассказа о слоне визиря» Иво Андрича. В качестве материала исследования был выбран перевод Натальи Вагаповой.

Прецедентные отсылки в текстах выполняют сразу несколько функций. Во-первых, они выступают как вероятные «точки соприкосновения» автора и читателя и позволяют задать верное направление мысли адресата [Гришаева 2008: 121]. Во-вторых, являясь ассоциативной величиной, помогают писателю имплицитно расширить содержание того или иного высказывания, увеличить в нем концентрацию смыслов.

Однако чтобы подобный фрагмент произведения был адекватно интерпретирован читателем, последний должен обладать достаточной общекультурной компетентностью. Если читатель не знаком с прецедентным текстом, он не увидит отсылку, а значит – сможет понять лишь эксплицитное содержание высказывания. Особенно часто эта проблема возникает при переводе, так как человек, незнакомый с языковой системой кокой-либо общности, чаще всего находится вне ее культурного контекста.

Иво Андрич, видевший в народных легендах ключ к пониманию высших истин, часто в своих произведениях прибегал к аллюзиям, аппликациям, цитированию; использовал прецедентные тексты, высказывания, имена и ситуации, «Рассказ о слоне визиря» не стал исключением.

На творчество писателя заметно повлияло геополитическое расположение Боснии и Герцеговины. В своих произведениях Иво Андрич

объединяет Восток и Запад. Поэтому, при анализе прецедентных отсылок «Рассказа о слоне визиря», можно говорить о нескольких опорных пластах: фольклорных сказаниях региона, Исламской и Христианской культурах.

Особую сложность при переводе представляют прецедентные отсылки к боснийским текстам. Так как они соотносятся с национальной памятью конкретного народа и связаны с особой языковой картиной мира представителей этой общности.

В число самых ярких прецедентных текстов такого типа входят пословицы и поговорки. Они не связаны в сознании людей с конкретным произведением или автором, это мысли народа. В пословицах и поговорках отражены идеи, относящиеся к коллективному бессознательному. Для их понимания необходимо не только знать соответствующие тексты, но и обладать определенным эмоциональным опытом, которого люди, находящиеся вне исторического и культурного контекста этого региона, лишены.

Поэтому при переводе данного типа прецедентных текстов Н. Вагапова прибегает к поиску эквивалентов. Например: «Переполнилась чаша» вместо «Prevršlo», «встречных поперечных» вместо «levo I desno». Кроме того, есть случаи, когда Н. Вагапова использует пословицу там, где в оригинале ее вовсе не было, так переводя «mešaju u krupne državne stvari», она использует русскую поговорку «совать свой нос».

Такой метод перевода с одной стороны позволяет русскоязычному читателю почувствовать отсылку, но с другой – лишает его возможности воспринять коннотации, присущие оригинальному варианту.

Кроме того, в рассказе присутствуют фольклорные мотивы. Не смотря на то, что они тоже связаны с текстами конкретного региона, воспринять подобные прецедентные феномены русскоязычные читатели все же могут. Дело в том, что большая часть данных мотивов восходит к сказочным сюжетам. Конечно, в сказках разных стран и народов есть много различий, однако схожих моментов тоже немало. К тому же русская и сербохорватская культуры имеют общее славянское прошлое, а их представители общие элементы в коллективной памяти.

Примером сказочных мотивов может служить символика числа три. Эта цифра не раз встречается в тексте произведения. Андрич говорит о трех кострах, около которых ведутся разные разговоры, к Визирю идет три человека (хотя изначально их должно было быть пять) и т.д.

Особый интерес с этой точки зрения представляет следующий эпизод: «Старые травничане не зря говорят, что в Боснии есть три города, где живут мудрые люди. И сразу добавляют, что один из них, и притом мудрейший, - Травник. Правда, обычно они забывают назвать два других города». Возможно, герои на самом деле забывают их назвать, однако в художественном произведении редко бывают случайности.

Во-первых, указание на этот факт помогает Андричу описать своих персонажей, для передачи их заикленности на себе, об этом качестве писатель в «Рассказе о слоне визиря» говорит не раз (см. ниже).

Во-вторых, отсутствие упоминания двух других городов травничанами может быть объяснено тем, что этих городов просто нет, а число три вначале используется из-за его символичности.

Понимание в переводе отсылок к текстам Корана и Библии упрощается тем фактом, что они знакомы представителям многих культур. Например, когда мы видим восклицание «Машаллах!» произносимое чиновниками, подходящими к слону, мы ясно понимаем, что оно связано с исламской культурой.

Кроме того, Иво Андрич, обращаясь к этим текстам, иногда делает прямые ссылки, давая указания на источник. Например, приводя цитату из Апокалипсиса Иоанна Богослова «Et vidi bestiam», он несколько раз повторяет из какого текста она взята. Такой подход позволяет писателю сразу же направить своих читателей в нужное русло и в яркой форме передать отношение Травничан к слону визиря.

Также пояснение мы видим и перед цитатой из Корана: «Он жив и вечен», которую визирь приказал вырезать на своем надгробном камне. Подобная отсылка показывает претензии этого человека и очень хорошо его характеризует.

Однако прецедентные отсылки не всегда реализуются в виде цитат. Бывают случаи, когда речь идет о прецедентных ситуациях, которые не

имеют конкретной вербализованной формулы. Понять подобные отсылки без знания соответствующего текста невозможно.

Такою связью обладает сюжет произведения Иво Андрича со 105-ой сурой Корана, которая имеет очень говорящее название: «Слон» («аль-Филь»). В ней повествуется о том, как Аллах защитил землю Последнего Откровения от агрессивной экспансии правителя Абиссинии (Эфиопии). В суре это историческое событие описывается кратко, поскольку память о нем еще была жива в умах современников.

И во время данных происшествий имел место один случай. Приблизившись, к Мекки, Абраха (правитель Абиссинии) потребовал к себе наиболее уважаемого мекканца. К нему пришел Абдуль-Мутталиба, но к удивлению Абрахи, почтенный гражданин не просил об отказе от нападения на его Родину, а лишь хотел вернуть своих верблюдов. Подобным образом ведет себя и чаршия.

Сложно судить о том, насколько подобная отсылка была ясна жителям Боснии и Герцеговины, культура которых так или иначе связана с исламской из-за продолжительного гнета Османской империи. Однако для русскоязычного читателя она с большей долей вероятности была бы не понятна.

Кроме того, в «Рассказе о слоне визиря» Андрич использует отсылки к различным историческим событиям, употребляя прецедентные имена. Но особенностью их функционирования в данном тексте является тот факт, что они несколько изменены. Писатель только намекает на какое-то лицо, вводит элементы его биографии, но частично меняет ее. Например, история жизни Сеид-Али Джелалутина-паши во многом напоминает жизнь Али-паши Тепеленского.

Объяснение неполного совпадения реальных событий и сюжета рассказа, а также соединения правды и вымысла мы можем найти в самом произведении: «В этих часто фантастических рассказах о невероятных событиях и выдуманных людях нередко содержится подлинная, не признанная история края, история живых людей и давно ушедших поколений...»

Таким образом, «Рассказ о слоне визиря» наполнен прецедентными отсылками, которые позволяют Иво Андачу имплицитно расширить свой текст, наполнив его дополнительными смыслами. Но вместе с тем, это осложняет работу переводчика. Так как он должен отразить межтекстовые связи, заложенные в оригинале, сделать их достаточно понятными людям, находящимся вне культурного контекста, в котором создавалось произведение, и в то же время не исказить авторский текст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972
2. Васильев А.Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены: учеб. пособие. – 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 342с.
3. Гришаева Л.И. Прецедентный текст как универсальное средство передачи и хранения информации// Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2008. Вып. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journals.usp.ru>
4. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография/ науч. ред. Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 342с.
5. Творчество Иво Андрича. Миф. Фольклор. История. Литература: тезисы и материалы симпозиума к 100-летию со дня рождения писателя/ ред. сост. О.Л. Кириллова. М, 1992. – 115с.

Тим Трей

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, исторический ф-т
Москва, Россия)*

Дипломатическая деятельность югославского посланника

М. Гавриловича в Москве (1940-1941 гг.)

В докладе речь идет о миссии политического деятеля Королевства Югославии Милана Гавриловича и его работе в СССР в 1940-1941 годах. Именно Милан Гаврилович стал первым посланником королевства в СССР.

Это стало возможным благодаря дипломатическому признанию Советского Союза Югославией в июне 1940 года. Его политическая деятельность состояла в попытке наладить отношения СССР и Югославии в период, когда самому королевству оставалось жить считанные месяцы и когда оно сильно нуждалось в мощном союзнике в лице СССР [Городецкий 1999: 168]. Политическое сближение с Кремлем могло помочь королевству выжить и чувствовать себя более уверенно в стремительно накалявшейся в то время обстановке [Отношения России (СССР) с Югославией 1998: 9-27]. Основной задачей Гавриловича было спасти Югославию от вступления во Вторую мировую войну [Животић 2016: 373-374]. По мнению югославского дипломата, этому мог помочь Советский Союз [Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1999: 412-415].

Представляется интересным проанализировать политические предпочтения первоначально частного лица и посланника М. Гавриловича, а после путча 27 марта 1941 года – министра без портфеля, его основные цели в Москве и средства, при помощи которых он пытался достичь этих целей [Новиков 1989: 77-82]. Помимо этого, важно рассмотреть политические связи М. Гавриловича с западным миром и то, как на них реагировал Советский Союз [Судоплатов 1996: 127-135]. И конечно, в наибольшей степени автора доклада интересует результат, достигнутый миссией Гавриловича в отношениях с Москвой [Югославия в XX веке 2011: 340-342].

Дипломатска делатност југословенског посланика М. Гавриловића у Москви (1940-1941)

Реферат је посвећен мисији политичара Краљевине Југославије Милана Гавриловића и његовом раду у СССР-у 1940-1941. Милан Гаврилович постао је први изасланик краљевине у Совјетском Савезу. То је омогућено дипломатским признањем СССР-а од стране Југославије у јуну 1940. године. Политички рад личности о којој се ради састоји се у покушају да се побољшају односи између СССР-а и Југославије у периоду када је краљевству остало неколико месеци постојања и када му је био преко потребан моћни савезник који се видео у СССР-у [Городецкий 1999: 168].

Политичко зближавање са Кремљем могло би да помогне краљевству да опстане и да се осећа сигурније у ситуацији која се тада убрзано развијала [Отношения России (СССР) с Югославией 1998: 9-27]. Главни Гавриловићев циљ био је да се Југославија заштити и спаси од ступања у Други светски рат [Животић 2016: 373-374]. Према мишљењу југословенског дипломате, Совјетски Савез би могао да у томе помогне [Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1999: 412-415]. Аутор сматра да би било интересантно да се анализирају политичке преференције првобитно приватне особе и изасланика, а након пуча 27. марта 1941. године, министра без портфеља Гавриловића, његови главни циљеви у Москви и средства којима је покушао да их постигне [Новиков 1989: 77-82]. Поред тога, биће веома важно да се размотре политичке везе министра Гавриловића са западним светом и како је на њих реаговао Совјетски Савез. И наравно, највише аутора реферата интересује резултат који је Гавриловићева мисија постигла у односима са Москвом [Југославия в XX веке 2011: 340-342].

ЛИТЕРАТУРА

1. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1999 – Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939-1941. Москва, 1999.
  2. Городецкий 1999 – *Городецкий Г.* Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский союз. Москва, 1999.
  3. Животић 2016 – *Животић А.* Совјетско-југословенски односи 1939-1941 гг. Београд, 2016.
  4. Новиков 1989 – *Новиков Н. В.* Воспоминания дипломата. Москва, 1989.
  5. Отношения России (СССР) с Югославией 1998 – Отношения России (СССР) с Югославией, 1941-1945 гг. Документы и материалы. Москва, 1998.
  6. Судоплатов 1996 – *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. Москва, 1996.
  7. Югославия в XX веке 2011 – Югославия в XX веке: очерки политической истории. Москва, 2011.
-

Денис Ерёмин

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, исторический ф-т
Москва, Россия)*

Федерация БиГ и хорватский национальный вопрос в 1993-1995 гг.

Трансформационные процессы в республиках, сопровождавшие распад СФРЮ, – одна из основных тем при изучении новейшей истории балканских народов. При этом особое значение имеет изучение кризиса в БиГ и его отдельных аспектов.

Наиболее характерной чертой Югославского кризиса, с самого его начала, было стремление народов СФРЮ к образованию независимых национальных государств. Уникальная ситуация сложилась в БиГ: она была единственной республикой, организованной по географическому принципу [Югославия в XX веке 2011: 805], при этом была наиболее этнически и религиозно гетерогенной республикой с компактно проживающим населением [Харитоновна 2014: 22], и это обусловило тот факт, что Боснийский кризис стал крайней формой Югославского кризиса [Никифоров 1999: 227].

Изначально причиной конфликта в БиГ было различие программ выхода из кризиса и политической реорганизации. Таким образом, он носил политический характер, однако война была во многом спровоцирована использованием принципа «Одна нация – одно государство» в качестве стратегии политической реконструкции [Мартынова 1998: 196-197]. Показательно, что на выборах в БиГ 1990 г. победу одержали национально ориентированные партии [Гуськова 2001: 224], одной из которых была ХДС БиГ [Mrduljaš 2009: 830].

Коалиционное правительство, сформированное в 1990 г., оказалось неспособным решить основные вопросы в силу несовместимости программ партий. Поддержав выход БиГ из состава СФРЮ, боснийские хорваты рассчитывали, как минимум, на ее федерализацию по национальному принципу, в то время как боснийские мусульмане настаивали на унитарном государстве, так как были самым многочисленным этносом, который в скором времени мог стать доминирующим [Mrduljaš 2009: 827]. Данное противоречие спровоцировало хорвато-мусульманский конфликт 1993 года в ходе обсуждения плана Вэнса-Оуэна [Mrduljaš 2009: 840]. Несмотря на то,

что хорваты поддерживали планы урегулирования, фактически их интересы были принесены в жертву политическим амбициям руководства мусульман вследствие изменения баланса сил: хорватские интересы учитывались при составлении планов урегулирования до тех пор, пока они представляли собой значительный военно-политический фактор.

Хорватско-мусульманское противостояние завершилось в связи с дипломатическим вмешательством США и подписанием Вашингтонского соглашения [Никифоров 1999: 205]: созданная ФБиГ, впоследствии ставшая одним из энтитетов дейтонской БиГ, носила дисфункциональный характер, так как руководство боснийских мусульман оставалось на унитаристских позициях. Государственно-политическое устройство дейтонской БиГ не отражает положение боснийских хорватов в качестве конституционного народа: хорваты, сохранив за собой данный статус, не получили своего энтитета, а конфедерация ФБиГ с Хорватией не была реализована. Таким образом, следует говорить о том, что государственное устройство дейтонской БиГ не отвечает интересам хорватов, их политические цели в связи с окончанием войны не были реализованы и это негативно влияет на стабильность БиГ в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуськова 2001 – *Гуськова Е. Ю.* История югославского кризиса (1990-2000). М.: Русское право / Русский национальный фонд, 2001.
2. Мартынова 1998 – *Мартынова М. Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М.: Старый сад, 1998.
3. Никифоров 1999 – *Никифоров К. В.* Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М.: Институт славяноведения РАН, 1999.
4. Харитонова 2014 – *Харитонова О. Г.* Босния и Хорватия в СФРЮ: институциональные проблемы этнической федерации // Сравнительная политика. №1. 2014.

5. Югославия в XX веке 2011 – Югославия в XX веке: очерки политической истории / К.В.Никифоров (отв. ред.), А.И.Филимонова, А.Л.Шемякин и др. М.: Индрик, 2011.

6. Mrduljaš 2009 – *Mrduljaš S. Hrvatska politika unutar BiH u kontekstu deklarativnoga i realnoga prostornog opsega Hrvatske Zajednice / Republike Herceg-Bosne (1991-1994) // Društvena istraživanja. Vol. 18, br. 4-5. 2009.*

Артур Федосеев

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, географический ф-т
Москва, Россия)*

Голосование стран в структурах ООН как отражение геополитической ориентации на примере стран бывшей Югославии

Сегодня, когда мир вступает в эпоху новой «холодной войны», Балканским странам необходимо делать выбор относительно того, к какому геополитическому лагерю присоединиться. В данной работе будут рассмотрены географические особенности голосования стран в структурах ООН, как отражение геополитической ориентации стран бывшей Югославии в рамках «высокой» геополитики, которая является частью критической геополитики [Окунев 2014].

Структуры ООН – арена дипломатического противостояния мировых держав. В истории еще не было случая, когда Россия (СССР) и США совместно ветировали проект резолюции Совета Безопасности ООН. Для определения геополитической ориентации в рамках «высокой» геополитики были рассмотрены голосования по принятым проектам резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, которые касаются территорий, где происходит геополитическое противостояние мировых держав, а именно на постсоветском пространстве [6].

В голосовании стран бывшей Югославии в Генеральной Ассамблее ООН можно заметить следующие тенденции: Словения, Северная Македония, Хорватия и Черногория практически всегда поддерживали НАТО и ЕС в различных вопросах. Для Боснии и Герцеговины и Сербии свойственна другая тенденция. Чаще они в различных вопросах занимали нейтральные позиции, а

в некоторых случаях Сербия даже поддерживала Россию. С другой стороны, положительное голосование этих стран за проекты резолюций по ситуации в Сирии показывает как наличие у этих стран собственной позиции, так и отсутствие четкой геополитической ориентации.

Сербия начала поддерживать Россию в голосованиях после того, как Косово объявило о своей независимости. Эта тенденция спала к 2014 г., когда Сербия стала воздерживаться от голосования. Голосование Боснии и Герцеговины никогда не совпадало с голосованием России, что свидетельствует о более низкой согласованности международных позиций этих двух стран. Скорее всего, главной причиной нейтрального голосования, или в некоторых случаях и отказ от него, является отсутствие единого мнения среди руководства страны.

Хорватия и Босния и Герцеговина являлись непостоянными членами Совета Безопасности ООН (СБ) (2008-2009 гг. и 2010-2011 гг. соответственно). Для анализа будут выбраны лишь ветированные проекты резолюций этих лет, так как они лучше всего показывают противостояние мировых держав [2, 3, 4, 5].

Босния и Герцеговина и Хорватия всегда поддерживали европейских лидеров в голосовании СБ ООН (США заблокировали проект резолюции по Палестине, когда остальные страны проголосовали «за»). Несмотря на это, представители Боснии и Герцеговины и Хорватии не высказывались резко в адрес России и Китая, которые ветировали резолюции. Такое поведение может говорить об отсутствии плохих политических отношений между исследуемыми странами и Россией с Китаем. Также, возможно, Босния и Герцеговина и Хорватия на данном этапе не готовы решать международные проблемы на равных с мировыми державами.

Проанализировав примеры голосования по проектам резолюций Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН, мы можем наблюдать разную геополитическую ориентацию у стран бывшей Югославии. Северная Македония, Словения, Хорватия и Черногория ориентированы на европейских лидеров. Внутриполитическая ситуация заставляет Боснию и Герцеговину принимать нейтральную позицию на международной политической арене. Главным фактором для Сербии, которая больше демонстрирует антизападную геополитическую ориентацию, является

самопровозглашение независимости Косово, которое поддерживают ЕС и США.

Гласања земаља у структурама УН као рефлексија геополитичке оријентације на примеру земаља бивше Југославије

Данас када се свет налази у новој ери „хладног рата“ Балканске земље треба да направе избор: којем геополитичком блоку се придружити. У овом раду ће бити прегледане карактеристике гласања у структурама УН као рефлексија геополитичке оријентације земаља бивше Југославије у оквирима „високе“ геополитике која је део критичке геополитике [Окунев 2014].

Структуре УН су полигон дипломатске конфронтације светских сила. У историји још није било случаја када су Русија (СССР) и САД заједно гласали против истог пројекта резолуције у Савету безбедности. За одређивање геополитичке оријентације у оквирима „високе“ геополитике размотрена су гласања усвојених пројеката резолуција Генералне скупштине УН који се односе на територије где постоји конфронтација светских сила, а тачније на пост-совјетски простор [6].

У гласањима земаља бивше Југославије у Генералној скупштини УН могу се приметити следеће тенденције: Словенија, Северна Македонија, Хрватска и Црна Гора подржавале су скоро увек НАТО и ЕУ у различитим питањима. Босна и Херцеговина и Србија имају другу тенденцију. Чешће су заузимале неутралну позицију. У неким случајевима је Србија чак подржавала Русију. Са друге стране, позитивно гласање ових земаља за пројекте резолуција поводом ситуације у Сирији показује и присуство код ових земаља сопствене позиције и одсуство јасне геополитичке оријентације.

Србија је почела да подржава у гласањима Русију након проглашавања независности Косова. Ова тенденција се смањила ка 2014. години када је Србија почела да се уздржава приликом гласања. Никада се гласања Босне и Херцеговине и Русије нису слагала. То показује да је усклађеност међународне политике између Босне и Херцеговине и Русије нижа него између Србије и Русије. Највероватније основни узрок неутралног гласања или у неким случајевима одбијање гласања је одсуство јединствене позиције руководства земље.

Хрватска и Босна и Херцеговина су биле нестални чланови Савета безбедности УН (2008-2009 гг. и 2010-2011 гг. односно). Изабрали смо за анализу само пројекте резолуција на које су стављана вета зато што они најбоље показују конфронатцију светских сила [2,3,4,5].

Босна и Херцеговина и Хрватска су увек подржавале лидере ЕУ у гласању Савета Безбедности УН (САД су блокирале пројекат резолуције за Палестину када су друге земље гласале „за“). Упркос томе, представници Босне и Херцеговине и Хрватске нису се исказивали негативно на адресу Русије и Кине које су блокирале пројекат резолуције. Такво понашање може да говори о одсуству лоших политичких односа између истраживаних земаља с Русијом и Кином. Могуће ја да у овој фази Босна и Херцеговина и Хрватска нису спремне да решавају међународне проблеме на истом нивоу са светским силама.

На крају, када смо анализирали пројекте резолуције Генералне Скупштине и Савета Безбедности УН, можемо видети различиту геополитичку оријентацију земаља бивше Југославије. Северна Македонија, Словенија, Хрватска и Црна Гора оријентисане су на Европске лидере. Унутрашња ситуација у Босни и Херцеговини намеће неутралну позицију у међународној политици. САД и ЕУ подржавају независност Косова. Ово је главни фактор због којег Србија има антизападну геополитичку оријентацију.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Окунев 2014 – *Окунев И. Ю.* Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики // Критическая геополитика. 2014. № 3. С. 8-25.
2. 5933-е заседания Совета Безопасности ООН. Мир и безопасность в Африке. Предварительный отчет // Совет Безопасности ООН, 11 июля 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/PV.5933> (дата обращения: 23.03.2019)
3. 6143-е заседания Совета Безопасности ООН. Положение в Грузии. Предварительный отчет // Совет Безопасности ООН, 16 июня 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/PV.6143> (дата обращения: 23.03.2019)

4. 6484-е заседания Совета Безопасности ООН. Положение на Ближнем Востоке, включая палестинский вопрос. Предварительный отчет // Совет Безопасности ООН, 18 февраля 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/PV.6484> (дата обращения: 23.03.2019)

5. 6627-е заседания Совета Безопасности ООН. Положение на Ближнем Востоке. Предварительный отчет // Совет Безопасности ООН, 4 октября 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/PV.6627> (дата обращения: 23.03.2019)

6. Сайт Генеральной Ассамблеи ООН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/ga/> (дата обращения: 23.03.2019)

Александра Журавлева

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, ф-т иностранных языков и
регионоведения
Москва, Россия)*

Югославия в заметках советского журналиста

Сообщение посвящено путевым заметкам И. Д. Константиновского «Книга странствий» [Константиновский 1972].

Представляется оправданным анализ художественного произведения в историческом контексте, который поможет лучше его понять. Поэтому следует обратить внимание на историческую справку об отношениях между Советским Союзом и Югославией. Они были установлены еще в 1940 году и с тех пор развивались очень неоднозначно – от откровенно враждебных до 1940 г., с разрывом отношений в 1949 г. до нейтральных в пятидесятые и даже дружественных в период после шестидесятих годов прошлого столетия. Межкультурные связи, прерванные в 1949 году, возобновились только с нормализацией политических отношений.

СССР стал крупным потребителем югославской культурной продукции: в период шестидесятих-восьмидесятих годов в Советском Союзе большими тиражами издавались переводы книг югославских писателей, демонстрировались югославские кинофильмы [Соловьева 2017].

Бывший фронтовой журналист И. Д. Константиновский в 1968 г. посетил СФРЮ и изложил впечатления об этой стране в своей «Книге странствий». В этом сборнике путевых заметок он обращает внимание на вопросы взаимосвязи культур и общности судеб разных народов, отношения к прошлому и к общественным переменам представителей разных поколений.

При прочтении этой книги нельзя не обратить внимание на то, что люди, с которыми нас знакомит автор, постоянно обращаются к теме войны. Этим они немного напоминают героев романа Ремарка, являются своеобразным потерянным поколением, которое не может забыть ужасы Второй мировой войны. Они постоянно возвращаются к болезненным воспоминаниям. О войне говорят люди разных возрастов: и те, кто воевал, и те, кто был ребенком в военный период, и те, кто не застал войну. Для всех это одинаково болезненная и трагичная история. Автор замечает, что в этом вопросе нет и намека на различие во мнениях среди представителей разных поколений. Даже если человек не воевал, для него это личное горе, потому что пострадала его семья, его Родина. Касаясь темы войны, кто-то обращается к истории, к временам борьбы с турецкими захватчиками, кто-то, наоборот, находит «эхо» войны в современной жизни.

Другая тема, интересующая автора – отношение к прошлому и к общественным переменам представителей разных поколений. Сам автор, гуляя по улицам городов, вспоминает, как они выглядели раньше, пытается найти тот город, который помнит, который он когда-то посетил. Но все изменилось: появились новые дома, новая архитектура, сочетающая в себе конструктивизм, рационализм и арт-деко. Нельзя сказать однозначно, нравятся ли все это автору, как он относится к переменам, затронувшим различные аспекты жизни города, потому что его ностальгия по городам, существующим теперь только в его памяти, слишком сильна. Однако можно сказать, что автор очень тонко и глубоко воспринимает современное искусство: описывая различные произведения, он подчеркивает, что многие их авторы стремились выразить негативные чувства и эмоции. Это погружает И. Д. Константиновского в печаль, автор не понимает, что должно было произойти в мире, сколько должно было накопиться разочарования и отчаяния, страха и страдания, чтобы ни на одном из полотен не было чего-то радостного.

В заключение мне хотелось бы сказать, что эта книга произвела на меня большое впечатление. Это произведение – своеобразная машина времени, которая позволяет вернуться в прошлое и взглянуть на Югославию глазами советского журналиста, разделить его мысли и переживания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Константиновский 1972 – *Константиновский И. Д.* Книга странствий: путевые очерки. Москва: Советский писатель, 1972.
2. Соловьева 2017 – *Соловьева Е. И.* СССР и Югославия: история потерянной дружбы. [Электронный ресурс] URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/sss-r-i-iugoslaviia-istoriia-potieriannoi-druzhby> (дата обращения: 27.04.2019).

Никита Евстафьев

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, исторический ф-т
Москва, Россия)*

Българите и латините в първите години след Четвъртия кръстоносен поход (1204–1207)

1204 година силно променила историята на Балканите и вероятно историята на цяла Европа. Падането на Константинопол в резултат на Четвъртия кръстоносен поход бързо довело до разпадането на цялата Византийска империя. Нейните бивши земи скоро се превърнали в ябълка на раздора между новите собственици на "царския град" - "латините", външните врагове на Византия (включително и българите), както и някои от "гръцките" владетели, които се стремили да възстановят изгубената империя.

В настоящето изследване ние направихме опит да разкрием как са се променили отношенията между българите и „латините” в условията на тясно взаимодействие след пристигането на кръстоносците на Балканите. Освен това ние обърнахме специално внимание върху политическото взаимодействие между цар Калоян и римския понтифик Инокентий III.

Изворната база на изследването ни е доста обширна. Един от най-полезните за нас източници е работата на византийския хронист Никита Хониат, който много подробно говори за събитията след превземането на Константинопол. От западните (старофренските) извори е интересно съчинението на Жофроя дьо Вилардуен, участник в похода. Латинските извори основно са представени от кореспонденцията между римския понтифик Инокентий III и българския цар Калоян. Това е много любопитен източник, който ни дава информация както за отношенията между Рим и Търново, столицата на България по това време, така и за връзките между папата и кръстоносците.

В резултат на настоящето изследване ние определихме, че Калоян, като наследник на своите предшественици на трона, първоначално продължавал да вижда в лицето на Византийската империя свой основен враг и да смята „латините“ за свои възможни съюзници срещу нея. Но откровено враждебното отношение на кръстоносците и гръцкото въстание срещу „латините“ в Тракия, причинено от желанието на тракийските гърци да свалят чуждата власт, довели до открит сблъсък и катастрофалната за кръстоносците Одринска битка през 1205 година.

Освен това от нашето изследване става ясно, че взаимодействието между папата и България в рамките на църковната уния за известно време било успоредно с открит конфликт между "латините" и българите. Дори и след Одринската битка папата продължавал да се надява да запази под свое влияние и Константинопол, и Търново. Интересно е, че според източниците на папската служба Калоян също проявявал интерес към поддържане на приятелски отношения с римския понтифик, въпреки че не можел да пожертва собствените си политически интереси на Балканите.

ИЗТОЧНИЦИ

1. Жоффрау де Виллардуэн. Завоевание Константинополя. М., 1993.
2. Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина. Т. 1–2. Рязань, 2003; Nicetas Choniata. Historia // Гръцки извори за българската история. Т. 11. София, 1983. Р. 8–93.
3. Innocentii III papae et Caloiannus regis // ЛИБИ. Т. III. София, 1965. Р. 308–378.

ЛИТЕРАТУРА

4. Божилов И., Гюзелев В. История на България в три Тома. Т. I. История на Средновековна България VII - XIV век. София, 1999.
5. Гагова Кр. Кръстоносните походи и средновековна България. София, 2004.
6. Данчева-Василева А. България и Латинската империя (1204-1261). София, 1985.
7. Златарски В. История на българската държава през средните векове. Т. III. Второ българско царство. България при Асеневци (1187-1280). София, 2007.
8. Карпов С. П. Латинская Романия. СПб, 2000.

Максим Гаврилков

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, ф-т иностранных языков и
регионоведения
Москва, Россия)*

**«Лествицата на спасение» като императив на цитатното
пространство в «Стязание о известном иноческом жителстве» на
Максим Грък**

Типът култура определя характера и параметрите на текстовете, създадени в дадена култура. Християнската култура е конфесионална култура, чието отражение е книжовността. След идеите на М. М. Бахтин, Р. Пиккио, Н. Н. Дурново и Н. И. Толстой Н. Н. Запольская идентифицира типологичните характеристики на книжовността [Запольская 2003: 13]:

Параметър	Реализация
Функция	Прагматична (догматично-екзегетична)
Механизъм за създаване	Възпроизвеждане ≥ произвеждане: синсемия
Форма на авторството	Ориентация към авторитета

	(скрита форма на авторството)
Форма на адресата (статус на «нададресат»)	Адресат + метафизичен «нададресат»
Поетика	Поетика на истината
Вид на размисъл върху текста	Тълкуване

В основата на християнската култура са императивните авторитетни текстове, текстовете на Свещеното Писание и Свещеното Предание, усвояването на които се е осъществявало в процеса на литургията. Авторитетният характер на императивните текстове и тяхното мнемонично усвояване в хода на литургичната практика определят принципно репродуктивния характер на книжовно-езиковата дейност.

Семантичната структура на текста, създаден в конфесионалната култура, се състои от две нива: буквално (историческо) и духовно, които се определят от тематичния ключ и се развиват с последващи цитати. Наличието на библейския тематичен ключ е продиктувано от необходимостта от двойното ниво на четенето на текстовете: словесните знаци трябва да се интерпретират в техния непосредствен контекст и в рамките на оригиналния образец. Р. Пиккио отбелязва почти универсалната композиционна маркировка на тематичния ключ от мястото в началото на текста или след уводната част [Пиккио 2003: 436-437].

Разбирането на текста в конфесионалната култура се определя от разбирането на императивното цитатно пространство.

Императивът на християнската култура се състои в идеята за спасение.

Сбирките на Максим Грък, както и неговите текстове, не са фрагментарни, но са комбинирани тематично и функционално, често подсилени от използването на подобна композиционна структура [Синицина 1972: 152].

«Стязание о извѣстном иночьскомъ жительствѣ, лица же стязующихся Филоктимонъ да Актимонъ, сирѣчь любостыжателныи да нестыжателныи» е полемичната работа на Максим Грък, написана в периода след второто

осъждане през 1531 година. Композицията на «Стязание» е диалог между двама души.

Интенцията на текста е в последователността на репликите. Филоктимон започва, а Актимон свършва диалога. Репликите на Филоктимон имат ограничен обем, несъпоставим с отговорите на Актимон, и съдържат предимно въпроси, включително риторични, които имат определено целеналагане и семантично изказване. Актимон винаги има последната фраза при обсъждането на всяка тема и в диалога като цяло. Това подчертава неговата правилност и невъзможност, нецелесъобразността на по-нататъшно обсъждане.

Литургичната практика в конфесионалната култура определя актуализацията на текстовете. Литургията формира църковната памет, изразена в «Стязание...» потвърждава тази теза, разкривайки значително количествено преобладаване на цитати от най-четените книги по време на литургията: Псалми (23 цитати), Евангелие от Матей (18) и Евангелие от Лука (8).

Цитатите обхващат темите: богатство; правда-неправда; спасение; съвършенство; царство небесно; обличение; покаяние.

Тематичният ключ в началото на «Стязание» определя основната тема на текста: богатството в перспективата на небесното царство [Преп. Максим Грък 2014: 219]:

Любостяжателъ: «**Аще кто оставит отца или матере, или жену, или чяда, или села, Мене ради и Е҃в҃геліа, сторицею приметъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, а въ будущеѣмъ животѣ вѣчныи**» (Мт 19:29; Лк 18:29, 30).

Нестяжателъ: «**Никто же възложь руку на рало, и възвращься възспять, приятенъ есть въ царство небесное**» (Лк 9:62)

Богатството се възприема най-общо като собственост изцяло, характеризираща се от светкост. Перспективата за отношение към богатството има есхатологичен статус, което диктува спазването на нестяжателните принципи.

Идеята за спасението е тясно свързана с идеята за небесното царство.

Цитат от «Лествица» на Иоан Синайски завършва съчинението и подчертава главната роля на идеята за спасение в текста: «**отвращаяся**

обличении отчаялъ есть своего спасения» [Там же: 230]. Цитатът определя темата на обличението на неправедния живот. Обличението е свързано със спасението, което гарантира влизането в небесното царство. Този цитат подкрепя тематичния ключ. Освен това чрез този цитат можем да открием идеята на Максим Грък за усъвършенстване. Цитатът очертава духовния път, основан на конкретни действия, които праведният монах трябва да следва: от обличение до спасение.

Цитатното пространство на «Стязание» има йерархичен, «лествичен», характер, който се състои в изкачване на «стъпки», определени от темите на текста. Тази «лествица на цитатите» е пряко предназначена да реализира императива на конфесионалната култура и интенцията на книжовника.

Тематичната йерархия на «стъпки» на «цитатната лествица» е организирана така: Царство небесно ← Спасение ← Съвършенство ← Непритежание (тема на богатство) ← Правда ← Покаяние ← Обличение.

Така изглежда цитатната лествица на спасение напълно:

1) Обличение

«отвращаяся обличени отчаялъ есть своего спасения»
(«Лествица» Сл. 4. Гл. 44)

2) Покаяние

«отвращаяся обличени отчаялъ есть своего спасения»
(«Лествица» Сл. 4. Гл. 44)

3) Правда

Плѣвы же, рече, съжъжет огнем негасимым (Мт 3:12)

Вдовицу и сира үмертвиша и пришелица үбиша (Пс 93:6)

Сира и вдову заступит и путь грѣшных погүвить (Пс 145:9)

Такожде же и блажены Иовъ о себѣ глаголетъ, исповѣдаа себе бывша отца сирым и вдовамъ предстателя и нищим, николи же тща отпүстнх глаголя (монтаж от Иов 29:12, 13, 16)

Идите от Мене проклятии въ огонь кромѣшныи (Мт 25:41)

Вѣра бо кромѣ благых дѣлъ мертва есть (Иак 2:17, 26)

Имѣан, рече, заповѣди Моа и творяи а, тѣи есть любяи МЯ не любяи Мене словесъ Моих не соблюдает (Ин 14:21, 24)

Вы друзья Мои есте, аще творите, елика аз повелѣваю вам
(Ин 15:14)

Глаголяи знати Бога, и заповѣди Его не соблюдаетъ, тыи ложь
естъ, и истина нѣсть в нем (I Ин 2:4)

Елико бо, рече, сътвористе единому от менших сихъ братии
Моени, Мнѣ есте сътворили (Мт 25:40)

Такожде и сущим ошюю (Мт 25:41)
Озоблениа ради нищих и въздыханиа убогих нынѣ възкресну
(Пс 11:6)

Познах, яко сътворит Господь суд нищим и мечь убогим
(Пс 139:13)

Терпѣние убогих не погивнет до конца (Пс 9:19)

суд без милости не сътворшим милость (Иак 2:13)

одевелѣ во сердце наше, якоже Исана рече о древнем жестоковым
Израили, и ушима тяжко слышим (Ис 6:10)

нъ зане тяжчаиши заповѣди законныа оставльше, вѣру, сирѣчь,
суд и милость (Мт 23:23), сихъ подобаше творити (Мт 23:23) Кыхъ ли сихъ
вѣру, суд и милость, и онѣх не оставити (Мт 23:23)

Аще не преизлишьствует правда ваша паче книжникъ и
фарисѣовъ, не внити вам въ Царство Небесное (Мт 5:20)

Аще кто въ Христѣ, нова тварь ветхаа мимодоша, се вся быша
нова (II Кор 5:17)

превыти правду фарисѣискю (Мт 5:20)

Боже, благодарю Тя, яко нѣсмь, якоже прочии человекъ, и
хыщницы, неправдиви, прегнусодѣа, или якоже мытарь съи, пощуся
дважды въ субботу, одесятьствую вся имѣния моа (Лк 18:11)

Ветхая бо мимодоша вся быша нова (II Кор 5:17)

Аще кто въ Христѣ, Павелъ божественни въпиетъ, нова тварь
(II Кор 5:17)

отложим от себе вся дѣла ветхаго человекъ, яже суть блуд всякъ,
неправда, лихонманне, хыщение, татба, пианьство, безчинне всяко и
безстудство (монтаж Кол 3)

ихъ же ради грядетъ гнѣвъ Божии на сыны непокоривыа (Кол 3:5, 6)

святину, ихъ же кромѣ никто же узрит Господа (Евр 12:14)

Духъ бо, рече, Богъ есть, и поклоняющимся Ему в дусѣ
подобаетъ и истинѣ поклонитися Ему (Ин 4:24)

Хваление бо, рече, Его въ церкви преподобныхъ (Пс 149:1)

Преступники възмнѣхъ вся грѣшныя земли сего ради възлюбихъ свидѣния твоя (Пс 118:119)

Възненавидѣхъ церкве лѹкавнѹющихъ и с нечестивыми не сядѹ (Пс 25:5)

Творящаа преступление възненавидѣхъ (Пс 100:3)

Грѣдым оком и насытым сердцем, с сим не ядяхъ (Пс 100:5)

несытно сердце прегрѣдаго очесе (Пс 100:5)

Благъ во мнѣ, рече, закон ѹстъ // Твоихъ паче тысящъ злата и сребра (Пс 118:72)

лѹчше мало праведникѹ паче богатства грѣшныхъ многа (Пс 36:16)

Неправдѹ възненавидѣхъ и мрѣзе ми, закона же Твоего възлюбихъ (Пс 118:163)

В сихъ бо, рече, двоихъ заповѣдехъ весь законъ и пророци висятъ (Мт 22:40)

Имѣяи заповѣди Моа и твориаи ихъ, тѣи естъ любяи МЯ. Не любяи Мене словес Моихъ не съблюдаютъ (Ин 14:21, 24)

Любы бо, рече, святыи Павелъ апостолъ, зла ближнемѹ не содѣловаетъ (Рим 13:10)

Весь день, рече, милѹетъ и взаимъ даетъ праведныи, и сѣмя его въ благословении бѹдетъ (Пс 36:26)

Прокляти ѹклоняющися отъ заповѣденъ Твоихъ (Пс 118:21)

Да постыдятся незаконнѹющей все (Пс 24:3)

иничжилъ еси всѣхъ отдаляющихъ отъ оправданиа Твоихъ, яко неправедно помышление ихъ (Пс 118:118)

страшно бо естъ, еже впасти в рѹцѣ Бога Живаго (Евр 10:31)

Лѹчше бо естъ, рече премѹдрость Божиа, не обѣщатися и отдати, нежели обѣщатися и не отдати (неточно цитиране Еккл 5:4)

Помолитесь и отдадите Господеви молитвы (Пс 75:12)

Погѹбиши вся глаголющаа лжѹ (Пс 5:7)

Никто же, рече, въиньствѹа съплетается житиескими кѹплями, да причитавшемѹ его въ воинѣхъ ѹгодитъ (II Тим 2:4)

аще кто хощетъ, глаголетъ, во слѣдъ Мене ити, да отврѣжется себе (Лк 9:23; Мт 16:24)

Аще хощете и послушаите Мене, благаа земнаа снѣсте (Ис 1:19)

4) Непритежание

Аще кто оставит отца или матере, или жену, или чяда, или села, Мене ради и Б҃гелна, сторицею примет въ нынѣшнемъ вѣцѣ, а въ бѹдѹщемъ животъ вѣчный (Мт 19:29; Лк 18:29, 30)

Никто же възложь рѹкѹ на рало, и възвращься възспять, приатенъ есть въ царство небесное (Лк 9:62)

Б҃дите сирѹ и ѹбогѹ, смирена и нища оправдате (Пс 81:3)

<нищелюбие> есть главизна всѣмъ божественымъ заповѣдемъ Б҃го и сѹзъ сѹврѣшенства (Кол 3:14)

одесятствѹютъ анифъ и кыминъ и пиганъ (Мт 23:23)

расточи даде ѹбогымъ, правда его пребываетъ во вѣки (Пс 111:9)

Не можете бо, рекоша неложнаая ѹста Христова, Б҃гѹ работати и мамонѣ (Мт 6:24. Лк 16:13)

любовню сѹврѣшеною, яже есть сѹзъ сѹврѣшенства и всего закона исполнение, по божественомѹ апостолѹ (Кол 3:14)

Падшее же въ трѣннихъ, рече, сеи есть слышаяи ѹбо слово, и печаль вѣка сего и прелестъ богатства сѹдавляютъ слова, и бес плода пребываетъ (Мт 13:22)

Не надѣйтеся на неправдѹ и на възсѹщение не желайте богатство аще течетъ, не прелаганте сердце (Пс 61:11)

корень всѣмъ злымъ сребролюбие есть (I Тим 6:10)

Благъ бо мнѣ, рече, закон ѹстѣ // Твоихъ паче тысящъ злата и сребра (Пс 118:72)

лѹчше мало праведникѹ паче богатства грѣшныхъ многа (Пс 36:16)

И аще взаимъ даете отъ нихъ же чаєте възсприати, каа вамъ благодать, ибо и грѣшницы грѣшникомъ взаимъ даваютъ, да равна възспримѹтъ нѣ взаимъ дадите, ничто же чающее, и бѹдетъ мзда ваша многа на небесѣхъ. Бывайте ѹбо вы щедри, якоже Отець вашъ небесный щедръ есть (Лк 6:34–36)

Никто же, рече, вѣиньствѹа сѹплетается житенскими кѹплями, да причитавшемѹ его въ воинѣхъ ѹгодитъ (II Тим 2:4)

Аще хоцеша сѹврѣшенъ быти, иди и продаждь имѣния своа (Мт 19:21)

5) Сѹврѣшенство

Бывайте ѹбо вы сѹврѣшени, якоже и Отець вашъ небесный сѹврѣшенъ есть (Мт 5:48)

аще кто хощетъ, глаголетъ, во слѣд Мене ити, да отвержется себе (Лк 9:23; Мт 16:24)

Аще хощеши съвършенъ быти, иди и продаждь имѣния своа (Мт 19:21)

6) Спасение

днесь спасение дому сему (Лк 19:9)

Не прииде бо Сынъ чловѣчскыи, да погубит дѹша чловѣча, но да спасетъ (Лк 9:56)

и дати дѹшѹ свою избавление за многых (Мт 20:28)

Никто же, рече, вѣиньствуа съплетається житейскыи куплями, да причитавшему его въ воинѣх ѹгодитъ (II Тим 2:4)

аще кто хощетъ, глаголетъ, во слѣд Мене ити, да отвержется себе (Лк 9:23; Мт 16:24)

Аще хощете и послушанте Мене, благаа земнаа снѣсте (Ис 1:19)

«отвращаяся обличении отчаялъ есть своего спасения»
(«Лествица» Сл. 4. Гл. 44)

7) Царство небесно

Аще кто оставит отца или матере, или жену, или чяда, или села, Мене ради и Ѳгагелиа, сторицею примет въ нынѣшнем вѣцѣ, а въ бѹдѹщем животъ вѣчныи (Мт 19:29; Лк 18:29, 30)

Никто же възложь рѹкѹ на рало, и възвращься въспять, приатенъ есть въ царство небесное (Лк 9:62)

Плѣвы же, рече, съжьжет огнем негасимым (Мт 3:12)

Аще не презлишьствует правда ваша паче книжникъ и фарисѣовъ, не внити вам въ Царство Небесное (Мт 5:20)

Се же глаголю, братие, яко плоть и кровь царство Божие наслѣдствовати не может, ниже тая нетлѣние наслѣдствуует (I Кор 15:50)

не внидете въ Царство Небесное (Мт 5:20)

Царство бо Божие нѹдимо есть, и нѹжницы, а не слабии и заповѣди преступницы възсѹхщяютъ е (Мт 11:12)

Яко же носихом образ прѣстнаго, да носим, рече, и образ небеснаго (I Кор 15:49)

Се же глаголю, братие, яко плоть и кровь царствие Божие полѹчити не могуѹт, ниже тая нетлѣние наслѣдствуует (I Кор 15:50)

Конфесионалната култура определя функционалната цел на книжовността: постигане на спасението. Максим Грък, цитирайки Свещеното Писание, надарява цитатното пространство с доминираща функция, която можем да разбираме при нелинейно четене и препозициониране на цитатите в т. н. «лествица на спасение».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гардзанити 2014 – *Гардзанити М.* Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М.: «Индрик», 2014. 232 с.
2. Запольская 2003 – *Запольская Н. Н.* «Общий» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. М.: «Индрик», 2003. 240 с.
3. Пиккио 2003 – *Пиккио Р.* Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин. М.: Знак, 2003. 720 с.
4. Преп. Максим Грек 2014 – *Преподобный Максим Грек.* Сочинения. Т. 2 / Отв. ред. Н. В. Сеницына. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 432 с.
5. Сеницына 1972 – *Сеницына Н. В.* Максим Грек и Савонарола (О первом рукописном собрании сочинений Максима Грека) // Феодальная Россия во всемирно историческом процессе. Сб. статей, посвящ. Льву Владимировичу Черепнину. М., 1972. С. 149-156.

Яна Оленева

(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Москва, Россия)

Символические изображения Земли, Пустыни и реки Иордан в русской иконописи

Истоки возникновения символических изображений, как правило, усматривают либо в античности (олицетворения рек и стран), либо в самой

христианской религии и стремлении иконописца воплотить слово в зрительном образе.

Отслеживание перемен, происходящих с изображениями одного и того же элемента в одной устоявшейся иконографии, позволяют наблюдать как за изменением художественной традиции, так и за тем, как в ней находят выражение духовные представления и искания той или иной эпохи. Н. В. Покровский обращал внимание на то, что часть изображений, появившись в довольно простых формах, изменяет свой первоначальный характер по мере того, как изменяется общий взгляд на задачи христианского искусства [Покровский 2001: 15]

Наиболее распространёнными символическими изображениями в русской иконописи являются изображения Земли, Пустыни и реки Иордан.

Если говорить о текстовом источнике, послужившем основой для символического изображения Иордана, то водная стихия оживает в строках псалма, где сокрыто пророчество о Крещении: «Море виде и побеже, Иордан возвратися вспять» (Пс. 113:3). Обычно Иордан имеет вид старца или молодого человека с сосудом. Иногда он восседает на рыбе. Нередко с ним соседствует женская фигура, символизирующая море. Также встречаются изображения, где Иордан представлен не одной фигурой, а двумя.

Самой ранней древнерусской иконой с символическим изображением Иордана называют «Крещение» из церкви Успения с Пароменя начала XIV века (СПб, Эрмитаж, Инв. ЭРИ-228). Среди других ранних памятников можно назвать «Крещение» второй четверти XIV века из собрания Национального музея в Белграде, «Крещение Господне» XV века из Кирилло-Белозёрского монастыря, «Крещение» из Благовещенского собора Московского Кремля, «Богоявление» из праздничного чина псковского иконостаса начала XVI века.

Первые иконы «Собора Пресвятой Богоматери» появляются в XIV веке. Основу их иконографии определяет содержание Рождественской стихир (благодарения Богородице). Земля и Пустыня оживают в строках: «Что тебе принесем Христе, яко явился еси на земли ... земля – вертеп, пустыня – ясли [стих. на «Госп. воззв.»]

Земля изображается с вертепом – пещерой – в руках (в основе иконографии – предание, согласно которому местом рождения Иисуса Христа была пещера. Пустыня держит в руках ясли, в которые был положен младенец-Христос.

В русской традиции иконографическая схема содержит в себе два разных композиционных мотива: первый, рассказ о чуде Рождественской ночи, тяготеет к повествовательности и предполагает движение, а второй, предстояние, напротив, требует полной отрешённости от времени и движения.

Самой древней из русских иллюстраций Рождественской стихирой считается псковская икона (XIV век, ТГТ, Инв. 14906) [Антонова 1966: 190-191]. К другим памятникам относятся: Ростово-Суздальская икона (XV век, Дом-музей П.Д.Корина, Москва, Россия) [Древнерусское искусство 1994: 38-39], икона из Великого Устюга XVI век (Гос. музей палехского искусства, Палех, Россия, Инв. 122) [Иконопись Палеха 1994: 20], икона конца XVII века с Поволжья (музей им. Андрея Рублева, Москва, Россия. Инв. КП 3044), икона из Обонежья начала XVIII века (Архангельский музей изобразительных искусств. Инв. 1614-ДРЖ).

Несмотря на географическую разобщённость мест, из которых происходят перечисленные иконы, их объединяет общая трактовка композиции и бережно сохраняемые образы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова 1966 – Антонова В. И. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина / В.И. Антонова. – Москва : Искусство, 1966. – 187 с.
  2. Древнерусское искусство 1994 – Древнерусское искусство: Новые атрибуции: сб. статей. – Санкт-Петербург : ГРМ, 1994. – 96 с.
  3. Иконопись Палеха 1994 – Иконопись Палеха: из собрания Государственного музея палехского искусства : альбом / сост. Л. П. Князева. – Москва : Прогресс, 1994. – 151 с.: ил. – (Сокровища Палеха).
  4. Покровский 2001 – Покровский Н. В. Евангелие в памятниках иконографии. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
-

Владимир Болдин

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, ф-т политологии
Москва, Россия)*

Участие болгарской интеллигенции в панславистском движении в начале XX в. (на примере журнала «Славянский век» 1900-1904 гг.)

В начале XX в. славянская идея переживает свою новую реинкарнацию. Казалось бы, что после Берлинского конгресса 1878 г., когда чаяниям панславистов не удалось сбыться, разговоры о славянской интеграции потеряли свою актуальность. Но новые исторические условия вновь вернули на повестку дня вопрос о сотрудничестве славян.

Одним из главных рупоров «нового славянского мировоззрения» становится журнал «Славянский век», издававшийся в Вене с 1900 по 1904 гг. одним из активных участников славянского движения Д. Н. Вергуном. Идеология журнала кардинальным образом отличалась от существовавших на тот момент «славянских» изданий. Костяк журнала составили молодые ученые-слависты, журналисты и общественные деятели, которые видели своей целью пересмотр славянской идеи. Журнал сразу стал позиционировать себя как новый «всеславянский орган», который «не будет и не желает быть продолжателем прежних русских славянофильских изданий», которые, по выражению Вергуна, часто носили «официальный» характер и субсидировались государством. Провозгласив себя «начинателем нового дела» и «хранителем славянофильских заветов», «Славянский век» поставил своими задачами «служить непосредственному распространению русского языка среди юго-западных славян, делу культурного единения славян путем взаимного ознакомления их на общеславянском языке и на почве практических, торговых интересов под девизом Палацкого: *Svůj k svému* (Свой к своему)» [Вергун 1900: 3]. На тот момент издание было единственной независимой площадкой, на которой происходили важнейшие дискуссии о политических судьбах славянских народов. По сути, политическая программа журнала стала важным рубежом эволюции панславизма от культурного и политического, каким он был в XIX в., к «культурно-экономическому».

Болгарские общественные деятели не остались в стороне от зарождающегося движения и приняли непосредственное участие в работе

журнала «Славянский век». В круг авторов журнала вошли болгарский писатель, публицист, председатель Славянского общества Стефан Савов Бобчев (1853–1940); видный богослов Стефан Цанков (1881–1965) и др. На страницах «Славянского века» регулярно печатались произведения болгарских писателей и поэтов, освещалась культурная, политическая и экономическая жизнь Болгарии. Отдельные статьи и выпуски были посвящены важным вехам в истории Болгарии – русско-турецкой войне 1877-1878 гг, обороне Шипки и т. д.

Болгарские деятели возлагали особые надежды на возрождение экономических и политических контактов между славянами. В статье «Славянская идея в Болгарии» (1902), известный богослов Стефан Цанков указывал на то, что «болгары стонут под тяжким немецким игом» и вместо того, чтобы развивать собственную промышленность и искать новые рынки для своих продуктов, болгары оказались в условиях экономического рабства. Выход из этой ситуации для Цанкова видится лишь один — отказ от политики «Стамболовщины», разворот во внешней политике к России, активизация работы таких организаций, как «Болгарское славянское общество», «Комитет Царя Освободителя», «Славянская беседа». Именно их деятельность поможет возродить не только культурные и политические, но и экономические связи Болгарии и с «великим русским народом», своим «естественным покровителем и другом» [Цанков 1902: 620-624].

Однако из-за противодействия властей Австро-Венгрии журнал «Славянский век» в 1904 г. прекратил свое существование. Но круг авторов, сложившейся вокруг него, продолжил работу по укреплению славянского единства. Так, например, Стефан Бобчев стал организатором знаменитого «Славянского съезда» в Софии (1910), который стал важной вехой в развитии идей панславизма.

Участие на българската интелигенция в панславистското движение в началото на XX век (въз основа на списание «Славянски век» 1900-1904 г.)

В началото на ХХ в. славянската идея преживява своето прераждане. След Берлинския конгрес 1878 г., когато надеждите на панславистите не са се сбъднали, разговорите за славянската интеграция като че ли загубват своята актуалност. Но при новите исторически условия въпросът за сътрудничеството на славяните отново се връща на дневен ред.

Един от основните рупори на «новия славянски мироглед» става списание «Славянски век», издавано от 1900 до 1904 г. във Виена от един от активните участници в славянското движение - Д.Н. Вергун. Идеологията на списанието кардинално се различава от съществуващите до този момент «славянски» издания. Гръбнакът на списанието съставят млади учени-слависти, журналисти и общественици, които добре разбират своята цел - преразглеждане на славянската идея. Списанието веднага се превръща в нов «всеславянски орган», който «няма да бъде и не желае да бъде продължител на бившите руски славянофилски издания», които, според думите на Вергун, често носели «официален» характер и са били субсидирани от държавата. «Славянският век» обявява себе си за «начинател на новото дело» и «пазител на славянофилските завети» и смята за своя цел да служи «за разпространяване на руския език сред югозападните славяни, за делото на културното единство на славяните чрез взаимно опознаване посредством този общославянски език и на базата на практически, търговски интереси под мотото на Палацкий: Svůj k svému» [Вергун 1900: 3]. През този период изданието е единствена независима платформа, на която се провеждат най-важните дискусии за политическата съдба на славянските народи. Общо взето, политическата програма на списанието се превръща във важна граница на еволюцията на панславизма от културен и политически, какъвто той е бил през ХІХ век, в «културно-икономически».

Българските общественици не остават встрани от новото движение и вземат пряко участие в работата на списание «Славянски век». В авторския екип на списанието влизат: българският писател, публицист, председател на Славянското дружество Стефан Савов Бобчев (1853-1940); видният богослов Стефан Цанков (1881-1965) и други. На страниците на «Славянски век» редовно се публикуват творби на българските писатели и поети, отразяващи културния, политическия и икономическия живот на България. Отделни

статии и издания се посвещават на важни събития в историята на България – руско-турската война 1877-1878 г., отбраната на Шипка и др.

Българските дейци възлагат особени надежди за възраждане на икономическите и политическите контакти между славяните. В статията «Славянската идея в България» (1902 г.), известният богослов Стефан Цанков посочва, че «българите стенат под тежкото немско иго», и вместо да развиват собствената си индустрия и да търсят нови пазари за своите произведения, се оказват в условия на икономическо робство. Изходът от тази ситуация, според Цанков, е само един — отказ от политиката на «Стамболовщина», обратен завой във външната политика към Русия, засилване на работата на такива организации, като «Българско славянско дружество», «Комитет на Цар Освободител», «Славянска беседа». Именно тяхната дейност щяла да помогне за съживяване не само на културните и политическите, но и на икономическите връзки на България и с «великия руски народ», своя «естествен покровител и приятел». [Цанков 1902: 620-624].

Въпреки това, поради противодействието от страна на властите на Австроунгария, списание «Славянски век» през 1904 г. престава да съществува. Но авторите, сплотили се около него, продължават работата си за укрепване на славянското единство. Така например, Стефан Бобчев става организатор на известния «Славянски конгрес» в София (1910), който се превръща в крайъгълен камък в развитието на идеите на панславизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вергун 1900 – *Вергун Д. Н.* От редактора! // Славянский век, 1900. Вып. 2.
2. Цанков 1902 – *Цанков Стефан.* Славянская идея в Болгарии // Славянский век. 1902. Вып. 46.

Марина Васильева

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, ф-т иностранных языков и
регионоведения
Москва, Россия)*

Межъязыковая асимметрия полисемантической лексики (на примере болгарского глагола “вдигам” и его русского словарного соответствия “поднимать”)

Близость русской и болгарской лексики, основу которой составляют этимологически тождественные слова, значительна. На первый взгляд может показаться, что это исключительно положительное явление, облегчающее изучение языка. Однако это не так. В процессе своей жизни в языке слово «обрастает» новыми значениями, обретает полисемантический характер, который может не совпадать по объему даже в близкородственных языках, каковыми являются русский и болгарский. Так возникает асимметричная полисемия, создающая немало проблем как для переводчиков, так и для специалистов, работающих в сфере языка. Для меня же как студента особый интерес представляет влияние межъязыковой асимметрии на изучение болгарского языка русскими студентами, а также способы избежания интерференции.

При изучении иностранного языка любой ученик сталкивается с необходимостью использования словаря. Однако необходимо четко понимать каким же словарем нужно пользоваться, чтобы получить наиболее полное и правильное представление о слове и сфере его употребления.

В данном докладе на примере болгарского глагола “вдигам” и его русского словарного соответствия «поднимать» мы проследили представленность значений этих лексем в двуязычных переводных и одноязычных толковых словарях. Зона совпадений, то есть общая семантическая зона, невелика. Толковые словари дают значительно большее число значений. Это доказывает, что для понимания таких многозначных слов, как рассмотренный в докладе глагол «вдигам», студентам необходимо познакомиться со словарной статьей не только в переводном словаре, но и в толковом.

Выяснив, что наиболее полное представление о слове нам дает толковый словарь, мы постарались выявить общую семантическую зону между значениями глагола “вдигам”, представленными в болгарском толковом словаре, а также определить степень семантических различий, служащих причиной интерференции между исследуемым глаголом и его

переводным соответствием. Также была предпринята попытка определить тип семантического соответствия между глаголами. В качестве теоретической основы для этого были использованы работы Л. С. Бархударова.

Из словарных статей, отведенных в самом полном толковом словаре болгарского языка глаголу “вдигам”, было выделено 22 значения данного глагола (в том числе в 8 фразеологических единицах), для передачи которых не может использоваться русскоязычное соответствие “поднимать”. К ним относятся, например, такие значения, как “тайно присвоиваю нечто чуждо”, чему соответствует русское слово “стащить”.

Далее из статьи толкового словаря русского языка были выделены значения глагола “поднимать”, отсутствующие у глагола “вдигам”. Например, русскому “тесто поднялось” соответствует болгарское “тестото втаса”.

Таким образом, оставшиеся значения сформировали общую семантическую зону. В результате было обнаружено, что семантические зоны болгарского глагола “вдигам” и его русского словарного соответствия “поднимать” пересекаются, а значит по Бархударову их можно отнести к типу «пересечение».

Практическая значимость проведенного сопоставления заключается в том, что материал исследования может быть использован в процессе преподавания болгарского языка с целью предупреждения интерференции.

ИСТОЧНИКИ

1. Андрейчин Л., Георгиев Л., Илчев Ст., Костров Н., Леков Ив., Стойко Ст., Тодоров Цв. Български тълковен речник: Наука и изкуство; Изд. 4-е. София, 2015.- 1094 с.
2. Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь. 3-е изд., стереотип. — М.: Русский язык, 1986. — 768 с.
3. Кошелев А., Леонидова М. С., Българско-руски фразеологичен речник / Болгарско-русский фразеологический словарь. – София-М.: Руски език, 1974. – 635 с.
4. Нанова А. Фразеологичен синонимен речник на българския език – София: Хейзъл.. - 2005. – 1389 с.

5. Ожегов С.И., Толковый словарь русского языка. - М.; Издательство АСТ. -2018. -736 с.
6. Чукалов С. К. Русско- болгарский словарь. Изд. 6-е, стереотип. — М.: Русский язык, 1981. — 911 с.

ЛИТЕРАТУРА

7. Бархударов Л.С. Язык и перевод. - М.: Международные отношения. - 1975. - 240 с.
  8. Влахов С. Речников превод и контекстуален превод // Езикови проблеми на превода <Руски език>. - София: Наука и изкуство. - 1987.
-

Анастасия Фетисова

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, ф-т иностранных языков и
регионоведения
Москва, Россия)*

Проявления интерференции и буквализма при переводе художественного текста с русского языка на болгарский (морфологический аспект)

Интерференция и буквализм свойственны переводам с любого языка на любой язык. Но особенно актуальна эта тема для переводов на языки близкородственные, каковыми являются русский и болгарский: слишком вероятна опасность принять «похожее» за «то же». Проблемы межъязыковой асимметрии затрагивают все уровни языка, но наименее изученным в этой паре языков остаётся морфологический. Вот почему в докладе внимание сфокусировано именно на проявлениях морфологического буквализма, в частности на передаче видо-временных и модальных значений русского глагола морфологическими средствами болгарского языка.

Теоретическим основанием исследования послужили две работы И. Васевой: раздел «Грамматические вопросы перевода» из её учебника «Теория и практика перевода» и статья «Хипнозата на оригинала. Типични прояви на интерференция и буквализъм в преводи от руски», в которой даются чёткие определения понятий интерференции и буквализма и подробно описываются

различные причины их проявления в переводе на всех языковых уровнях: лексико-семантическом, морфологическом, синтаксическом.

С практической точки зрения проверить наблюдения И. Васевой оказалось возможным благодаря творческой работе Л. Минковой, выполнившей перевод первого (сокращённого) варианта произведения М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», а затем и второго (полного) текста. Я провела сопоставительный анализ 19-ой главы романа и двух версий её перевода Л. Минковой, проследив и классифицировав изменения, предпринятые во втором издании. Было установлено, что во вторую версию перевода внесено множество исправлений как лексических, так и синтаксических, и морфологических, то есть были затронуты практически все уровни языка. Но как уже было сказано, в данной работе упор был сделан на морфологию, и на этом уровне удалось выделить следующие три группы изменений: 1) исправление ошибок и неточностей, допущенных из-за интерференции и буквализма; 2) обращение к богатству болгарского языка, к разнообразию форм, которыми можно выразить то же или близкое значение; 3) нейтрализация стиля текста перевода в соответствии с текстом оригинала. Примером, относящимся к первой категории, может послужить следующее предложение, иллюстрирующее замену формы сослагательного наклонения на форму будущего в прошедшем: первая версия перевода: «Нима би го спасила?»; вторая версия перевода: «Нима щеше да го спаси?»; оригинал: «Разве она спасла бы его?». Далее можно привести пример из второй категории: первая версия перевода: «Ето един пример – казваше Маргарита мислено <...>»; вторая версия: «Ето ти пример – каза мислено Маргарита <...>»; оригинал: «Вот и пример, - мысленно говорила Маргарита <...>». И наконец примеры из третьей категории: первая версия перевода: «бе говорил», «бе описал», «се бе окичила», «бе останала», «бе отново погребано», «бе седяла», «бе седнал», «бе задала», «бе изчезнал». Во второй версии перевода все формы плюсквамперфекта «бе», относящиеся к разговорному стилю, были заменены на «беше».

Таким образом анализ видо-временных и модальных форм глаголов в двух версиях перевода позволяет сделать вывод о том, что Л. Минкова попыталась преодолеть буквализм первой версии и выйти из «гипноза» русского оригинала.

В заключение на основании проведённого анализа можно сказать, что даже опытные переводчики способны невольно подвергаться интерференции и буквализму, как бы не старались они этого избежать. Потому изучение данной темы необходимо для того, чтобы иметь представление о том, как же предупредить возможные ошибки при переводе с русского языка на болгарский. Особенно это касается глагольных форм, которые в этих двух языках существенно различаются и являются причиной многочисленных затруднений для переводчиков.

ИСТОЧНИКИ

Булгаков М. Майсторът и Маргарита. Превод от руски Лиляна Минкова. – Народна култура, Избрани романи, №7, 1968. – 363 с.

Булгаков М. Майсторът и Маргарита. Превод от руски Лиляна Минкова. – Интерпринт, 1990. – 453 с.

Булгаков М. Белая гвардия. Мастер и Маргарита. – Минск: Мастацкая літаратура, 1988. – 670 с.

Литература:

Васева И. Хипнозата на оригинала. Типични прояви на интерференция и буквализъм в преводи от руски // Езикови проблеми на превода <Руски език>. – София: Наука и изкуство. – 1987. – С. 35-50

Васева И. Теория и практика превода. – София: Наука и изкуство. – 1982. – С. 151-172.

Александра Зубкова

*(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Москва, Россия)*

Особенности синтаксиса в романе Э.Дворяновой «Концерт для слова»: «женское письмо»

Начиная с 1960-х гг. увеличивается интерес к вопросу «женского письма»: актуальность этой темы обусловлена новой волной феминизма и обращением его теоретиков к «гендерному неравенству» в литературе, внедрением гендерного подхода в гуманитарные науки. В данной работе мы

попытаемся определить специфику «женского письма» на примере особенностей синтаксиса романа болгарской писательницы Эмилии Дворяновой «Концерт для слова».

Впервые понятие «женского письма» (фр. «écriture féminine») использует в своем эссе «Хохот медузы» (фр. «Le Rire de la Méduse», 1972) французский философ, теоретик феминистского литературоведения, писательница Элен Сиксу. По её мнению, «женское письмо» – это путь, который освободит женщину от страха участия в литературном процессе, поможет утвердиться вне рамок мужского видения мира.

Одной из главных целей женского письма является разрушение традиционной, навязанной писателями-мужчинами системы норм и правил, поиск нового, выразительного языка. Сиксу призывает изменить привычное понимание текста: «Я-женщина собираюсь взорвать их Закон: сейчас и немедленно, в языке» [Сиксу 2001: 812]. По Сиксу, «мужской» текст обладает законченностью, логичностью, рациональностью, в то время как у «женского» текста нет ни начала, ни конца, и только он способен преодолеть общепринятые понятия и определения, которые мешают истинному восприятию окружающего мира. Женщина общается с миром при помощи своего тела, сосредоточиваясь на восприятии цвета и запаха, звука и вкуса.

На рубеже XX–XXI вв. в Болгарии появилось большое количество писательниц-женщин, в фокусе которых оказалась в первую очередь гендерная проблематика. Среди этих авторов была и Эмилия Дворянова (р. 1958). Разделяя концепцию женского письма, предложенную Сиксу, Дворянова показывает, что женщине чужд «мужской взгляд» на мир, она нуждается в иных средствах выражения своей идентичности.

Одной из центральных тем романа «Концерт для слова» (2008), с подзаголовком «Музыкально-эротические опыты», является музыка. Гениальность музыканта, как считает Дворянова, рождается из любви между исполнителем и музыкой, которая впоследствии раскрывается в их телесной страсти. «С помощью *внелитературного синтеза литературы и музыки*» [Карцева 2015: 27] наиболее полно раскрываются проблемы женской идентичности, что является особенностью «женского письма» Дворяновой в целом. Вирджиния, главная героиня, описывает свои взаимоотношения с музыкой в эротическом контексте: тесная связь телесности и музыки

используется автором для передачи чувственности женщины: «... эта музыка освобождает её от её же собственного тела, переворачивая его до самого дня, провоцируя к акту, сексу, перверсии, затаившейся где-то в глубине этой музыки...» [Дворянова 2016: 81].

Анализируя роман с точки зрения «женского письма», обратим внимание на следующие аспекты: тематика, композиция произведения (структура романа носит фрагментарный характер), особенности повествования (наличие нескольких рассказчиков, развернутые синтаксические конструкции, частое отсутствие пунктуации, нарушение абзацного членения). Дворянова использует разные способы введения прямой речи: рамочная композиция, повтор фраз, курсив. «Мне снилась Вена. Месяц назад я была там на конкурсе, вместе с моим лучшим учеником, и непонятно почему влюбилась в этот город... Мне снилась Вена» [Там же: 30-31]. Вышеперечисленные особенности «женского письма» нашли яркое выражение в исследуемом романе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дворянова 2016 – Дворянова Э. Диалогия. Концерт для слова. У входа в море. М., 2016.
2. Карцева 2015 – Карцева З. И. Поэтика синтеза (роман-фуга Эмилии Дворяновой) // Stephanos. 2015. 2 (10) Март.
3. Сиксу 2001 – Сиксу Э. Хохот Медузы // Введение в гендерные исследования. В 2 ч. / под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков, СПб, 2001. Ч. 2: Хрестоматия.

Алиса Бочарова

*(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Москва, Россия)*

Народная культура гуцулов на примере бытовых сюжетов в керамике

Гуцулы - один из этносов, проживающих в Прикарпатье. Их называли самым грубым народом в Галиции, а к главному пороку относили пьянство [Попов 1867: 16]. Однако, несмотря на это, культура и быт гуцулов были

пронизаны религиозностью и богобоязненностью. В керамике, самом распространенном промысле гуцулов, находят отображения эти характерные черты. Так, например, народная пляска коломыйка, игра на музыкальных инструментах, праздничные застолья, флора и фауна Прикарпатья – всё это стало центральными темами искусства гуцулов.

Исторически, искусство керамики сложилось в Прикарпатье с давних времен, здесь можно вспомнить и культуру племен земледельцев, населявших бассейны Днестра и Днепра в III-II тысячелетиях до н.э. Широкое развитие, согласно хроникам, керамика получает в Коломые в XVI-XVII веках. А фрагменты керамики XVI-XVIII вв., найденные при раскопках в Косове, позволяют нам предположить, что гончарное искусство в Прикарпатье имеет долгую историю [Гоберман 1972: 23].

Но наиболее яркими образцами гуцульской керамики являются изделия XIX века. Самыми распространенными гончарными изделиями была кухонная утварь, ежедневно используемая в быту. Высокая культура орнамента у гуцулов способствовала тому, что ни один предмет быта не оставался без обработки [Леонов 1940: 10]. Благодаря росписям по кусочкам можно собрать традиции и уклад их жизни.

Уже начиная с цветовой гаммы, гуцульская керамика отображает реалии Прикарпатской природы. В ней преобладают желтый, зеленый, коричневые цвета, имеющие определенную символику (солнце, природа, земля) [Волков 1878: 323].

Стремление к художественной выразительности и образности сказывалось на форме изделий, роспись неизменно исходила из конфигурации, будь то «вазонка» для цветов в виде барана или же дзбанка с широким горлом для молока [Гоберман 1972: 24].

Среди многообразия геометрического и растительного орнамента особое место занимают сюжетные росписи, изображающие человека в окружающей среде, его деятельность и быт. Безусловно, сюжетные росписи это не изобретение гуцульских мастеров, но главная отличительная их черта – это ярко выраженный народный характер [Гоберман 1972: 26]. И особое место в керамике с такими сюжетами занимают изразцы.

Гуцульские авторы изображают: крестьян и ремесленников в их привычной обстановке; сюжеты, посвященные музыке и народным инструментам (трембиту, дрымбу); винопитие, являющееся частью жизни гуцулов; конные упряжки (излюбленная тема гуцулов); огромный пласт военных сюжетов; религиозную тематику. В изразцах на религиозные сюжеты ярко выражено сочетание фольклора, социального юмора и религии.

Интересно отметить, что животные изображаются мастерами плоскостно, в декоративной трактовке, в отличие от человека.

Печи рассматривались, как полноценный холст, а изразцы на ней являлись элементами сложной объемной композиции [Гоберман 1980: 23]. Расположение ряда сюжетов было закреплено традициями: Святой Николай помещался в центре, рядом с ним ставились кафели с церковью, крестами; ниже выносили праздничные и героические сюжеты; на боковой стене размещали ряды солдат; фигуру курильщика с люлькой ставили у топочной дверцы.

При всей наивности керамики гуцулов, их народное искусство обладает необычайной живостью, яркостью и своеобразностью представлений об окружающем мире, для чего, конечно же, необходимо наглядно видеть иллюстрации их керамических изделий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков 1878 – *Волков Ф. К.* Отличительные черты южно-русской народной орнаментики. Киев. 1878. 317-326 с.
  2. Гоберман 1972 – *Гоберман Д. И.* Росписи гуцульских мастеров. Л.: Искусство. 1972. 200 с.
  3. Гоберман 1980 – *Гоберман Д. И.* Искусство Гуцулов. М.: Советский художник. 1980. 212 с.
  4. Леонов 1940 – *Леонов А. И.* Выставка изобразительного искусства западных областей Украины и народного творчества гуцулов. М.: Государственный музей нового западного искусства. 1940. 94 с.
  5. Попов 1867 – *Попов Н.* Русское население по восточному склону Карпат (Гуцулы-Бойки-Лемки). М. 1867. 32 с.
-

Валерия Резанова

(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Москва, Россия)

**Преобразования тела в контексте массовой культуры России:
современный боди-арт и его перспективы**

К осени 1991 года закончилась политика перестройки советского общества. Существование СССР как государства подошло к концу. Произошли изменения в литературе, кинематографе, общественных науках, изобразительном искусстве, а также по всему культурному полю. Возникают различные субкультуры, нацеленные на реализацию специфических ценностных ориентиров различных социальных групп.

Люди, чтобы приобщиться к конкретной субкультуре, выделить себя из толпы или ради эстетического удовольствия, начинают производить различного рода преобразования своего тела. В 1990-х оно (тело) превратилось в важный культурный знак или текст, постоянно подвергающийся интерпретации.

С возникновением боди-арта на Западе практика модифицирования своего внешнего вида перебралась и в Россию.

На протяжении последних лет Россия переживает всплеск моды на боди-арт. Молодежь начинает усиленно увлекаться татуировками. Появляются первые российские фестивали искусства тату. Интерес к преобразованию внешнего облика подогревают и звезды шоу-бизнеса.

Однако большинство людей мыслят стереотипно и ввиду этого негативно относятся к тату, ведь до 1980-х годов татуировки оставались уделом заключенных.

Но со временем взгляды меняются, и постепенно татуировки в России начинают воспринимать как искусство, а не как отголоски тюремного прошлого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Михель, Д. В. Тело в западной культуре. Саратов : Научная книга, 2000.

2. Барановский В. А. Искусство татуировки [текст] / В.А. Барановский.
- М.: Славянский дом книги, 2002.

3. Анисимков В. М. Россия в зеркале тюремных криминальных традиций. - св. Петербург: "Юридический Центр Пресс", 2003.

